

ИГОРЬ
БОЛГАРИН

АДЪЮТАНТ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

Адъютант его превосходительства

Игорь Болгарин

Чужая луна

«ВЕЧЕ»

2014

Болгарин И. Я.

Чужая луна / И. Я. Болгарин — «ВЕЧЕ», 2014 — (Адъютант его превосходительства)

ISBN 978-5-4444-7839-4

Конец 1920 года. Война в Крыму закончилась. Остатки Вооруженных сил Юга России эвакуировались в Константинополь, их временно расположили на Галлиполийском полуострове. Но жизнь в изгнании тяжка, и многие хотели бы вернуться на Родину. В их числе оказался и генерал-лейтенант Яков Слащёв-Крымский, считавший, что барон Врангель упустил реальную возможность отстоять Крым...

ISBN 978-5-4444-7839-4

© Болгарин И. Я., 2014

© ВЕЧЕ, 2014

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	14
Часть вторая	21
Глава первая	21
Глава вторая	29
Глава третья	37
Глава четвертая	49
Глава пятая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Игорь Болгарин

Чужая луна

Часть первая

Глава первая

А в крымские горы уже пришла ранняя зима. Внизу, в долине, куда партизаны во главе с Красильниковым спускались с гор на операции, еще была теплая и нарядная разноцветная осень, а здесь, в горах, свистели и уныло завывали сквозняки, они задували в землянки мелкую снежную крупку и, несмотря на круглосуточный огонь, пронзительные ветры выдували из землянок тепло.

Да и само название «землянка» было условным, поскольку эти ни на что не похожие жилища были сооружены не в земле и не на земле, а между скал, и основным строительным материалом были камни и принесенные с долины дерево, хворост и глина. И не только. В дело шло все, что с трудом можно было назвать строительными материалами: толстый брезент, куски фанеры и жести, остатки мебели, словом, все, что можно было достать, не привлекая к себе внимания, на каких-то свалках или на старых пожарищах.

Юру в таком жилище не слишком спасал от холода даже подаренный Красильниковым овчинный полушубок, поскольку был он изрядно изношенный и во многих местах зиял прожженными дырами.

На операции Юру не брали, и он либо дежурил в землянке у костра, поддерживая в нем слабый из-за нехватки дров огонь, либо, когда дули южные ветры и в горах становилось теплее, он, сидя возле землянки, молча наблюдал за жизнью партизанского лагеря. Мысль о побеге не покидала его, на душе было сумеречно оттого, что здесь он находится, словно в заточении и не может послать весть дяде Константину Яновичу, тете Ольге Павловне и кузине Лизе о том, что он не погиб при аварии и надеется скоро вернуться к ним.

Однажды, чтобы осмотреться вокруг, он вышел за пределы лагеря, и перед ним тут же вырос пожилой лагерный часовой:

– Куда, извиняюсь, настроились? – мрачно спросил он.

– Хотел все вокруг посмотреть, – дружелюбно ответил Юра.

– Шо, сверху не нагляделись? – несколько помягчев, спросил часовой и, помолчав, с тоской в голосе добавил: – Ничего туточки нема интересного, одни каменюки, едят их мухи. Так шо вы, извиняюсь, вертайтесь до своей землянки, там вам спокойнее будет.

Последнее время партизаны возвращались с операций злые, иногда приносили на самодельных носилках раненых товарищей. Иные умирали уже в лагере и хоронили их неподалеку. Могила в горах не выкопать, и хоронили умерших товарищей на скальной площадке, слегка притрусив их принесенной с долины землей и обложив тела камнями.

Дни для Юры тянулись медленно, тягуче. Но однажды все изменилось. При почти ясной погоде он отчетливо услышал далекие громы.

– Что это? – спросил Юра у Красильникова. – Гроза?

– Хуже, парень. Это война. Наши уже в Крыму. Сюда подтягиваются.

Юру это известие несколько не обрадовало, он опять подумал о Константине Яновиче, Ольге Павловне и Лизе. Если Крым займут красные, они, вероятнее всего, вынуждены будут его покинуть вместе с белой армией. Красные, впрочем, как и белые, были для них не совсем «наши». Но Константин Янович служит в белой армии и будет вынужден с нею уйти, а Ольга

Павловна и Лиза, конечно же, последуют за ним. Где их потом искать? Куда они подадутся? И опять он останется на всем белом свете совсем один. Красильников не в счет. Кончится война, он отправится к своей семье, к своим детям. Зачем он ему, барчук, мальчишка из чужого лагеря? Иное дело – Кольцов. Но где он теперь? Исчез, растворился в этом жестоком воюющем мире. Если и не сложит где-то свою голову, то где и как его найти?

– Чего нахмурился? – пристально посмотрел Красильников на Юру. – Или тебе наши – «не наши»?

– Тетю Олю жалко. Она мне как мама. И Константина Яновича...

– Твой дядька? Который летун? – спросил Красильников и, немного помолчав, жестко добавил: – Если умный, у нас останется. Ну а нет, так чего тебе его жалеть?

– И Лизу жалко, – вместо ответа невпопад сказал Юра.

– Да никуда они не денутся. Которы богатые, те, конечно. А твоим что искать там, на чужбине. Чужбина – не родина, там и куска хлеба за так не дадут. Так что не горюй. Рикуда не денется твоя родня.

Юра же с досадой подумал, что прямолинейный и прямо мыслящий Красильников не учитывает сотни разных обстоятельств, которые могут толкнуть дядю на бегство из России даже вопреки его желанию остаться. Но спорить не стал.

А громы с каждым днем становились все ближе, все явственнее, и доносились с той стороны, где находился Симферополь. Карту Крыма Юра, по настоянию дяди, хорошо изучил, даже умел определять на местности направление. «Это – азбука летчика», – любил часто повторять Константин Янович. Планшетку с картой, которая была с ним во время аварии, партизаны у него забрали. Но Юра даже гордился тем, что они разрабатывали свои операции по его летной карте.

Постепенно громы превратились в далекую, хорошо слышимую артиллерийскую канонаду.

И однажды Юра решился.

Когда партизаны на рассвете ушли на очередную операцию, Юра взял веревку и топор и пошел к выходу из лагеря.

– Куда? – спросил часовой, тоже еще почти мальчишка, но немногим старше Юры.

– Не видишь, что ли? – Юра указал на веревку и топор. – Вернутся с задания, а и чаю не на чем согреть, не то что кулеш сварить.

– Ну и где ты их найдешь, дрова?

– Вчера мне Красильников бинокль давал, я вон в той рощице кое-какой сухостой высмотрел.

– Ну-ну! Сходи! Только сушняк там весь уже вырубил. А сырые на костер не пойдут: дыму много.

– Ничего, что-нибудь да найду.

– Сходи, если обувку не жалко, – лениво повторил часовой.

Юра торопливо пошел вниз. Но едва он сделал несколько шагов, как часовой его окликнул:

– Эй, малый! Как тебя? Долго там не задерживайся. И по сторонам в оба смотри. Тут татарва шастает. Могут украсть, а то и убьют.

– Не убьют, я с оружием! – Юра взмахнул топором и продолжил спускаться вниз. Про себя он отметил, что у часового нет бинокля, и издали он не сможет заметить, в какую сторону пойдет Юра. В рощу ему не нужно, он свернет у хорошо заметной даже издали, из лагеря, скалы и, если, когда шел с Красильниковым, он правильно запомнил дорогу, то часа через два должен бы выйти к истокам почти высохшей здесь Качи, туда, где он так удачно сумел посадить «Ньюпор».

Тогда, пока у него еще не отобрали планшет, он успел заглянуть в карту и убедился, что это была именно Кача, правда, здесь она была совсем не похожая на ту, что протекает возле Александро-Михайловки. В той Каче летом можно хорошо наплаваться, а здесь она напоминала поросшее травой высыхающее болотце.

Если от места его аварии пойти строго на юг, можно выйти к быстрой и говорливой речушке Бельбек. А еще дальше, если придерживаться все того же южного направления, обязательно выйдешь к морю. А там дорога, которая ведет к Севастополю и дальше – к Качинской авиашколе и Александро-Михайловке, где живут его дядя, тетя и Лиза.

Юра не однажды вспоминал тот путь, которым Красильников вел его к партизанскому лагерю, и всячески силился его запомнить. Он уже тогда решил, что обязательно убежит от партизан, вернется к своему «Ньюпору», снимет с него какую-то важную, но не до конца сгоревшую деталь, что свидетельствовало бы, что он поступил так, как должно: сжег аэроплан, чтобы он никому не достался. Он надеялся, что это поможет дяде избежать трибунала.

Но потом понял, что за ним установлено строгое наблюдение и убежать отсюда не так-то просто. И на какое-то время смирился. Лишь сейчас, когда война докатилась и сюда, к крымскому побережью, и шансов у белой армии задержаться в Крыму уже не оставалось, он решился бежать к своим родным, чтобы вместе с ними разделить общую участь. К этому времени партизаны к нему уже порядком привыкли. Они знали, что он какой-то родственник их командира Красильникова, и перестал вызывать у них подозрение.

Дойдя до рощи, Юра в нее не вошел, а возле знакомой скалы свернул круто на юг. Вспомнил, здесь они шли тогда с Красильниковым. Но уже вскоре засомневался, а потом и вовсе растерялся, когда впереди за поворотом увидел совсем незнакомую гряду скал.

Немного поразмыслив, он решил больше не пытаться найти тот их прежний путь, поскольку это была даже не дорога, а узкая извилистая тропа, которая часто прерывалась. Красильников ее хорошо знал, ходил здесь едва ли не каждый день, и то иногда в задумчивости останавливался, потом немного возвращался назад и выходил на новую, лишь ему одному известную тропинку.

Юра шел строго на юг. Иногда обходил встающие на его пути скалы. Ориентировался на низко висящее слева от него полуденное солнце и время от времени совсем недалеко за его спиной гроыхающую артиллерийскую канонаду.

Часа через три, с исцарапанными в кровь руками и разбитыми коленками он спустился к петляющему между скал, почти высохшему тощему ручейку. Похоже, это и была она, Кача. Постояв немного, Юра огляделся. С того дня, когда он здесь вынужденно оказался, ему запомнилась высящаяся неподалеку причудливой формы скала со словно отпиленной верхушкой, на которой лежал круглый валун, который по всем законам физики должен был давно оттуда свалиться. Но ни этой скалы, ни другой, напоминавшей фигуру сидящей женщины, он здесь не увидел. И русло Качи, не в пример тому, где он посадил «Ньюпор», было здесь более мокрое, вода тихо журчала, цепляясь за чахлые кусты.

И Юра понял, что, плутая, он вышел к Каче несколько ниже истока. Там русло было хоть и мокрое, но воды в нем он не заметил, и еще ему запомнилось, что дно там было усеяно галечником, и при посадке галка похрустывала под колесами и «мандолиной» его «Ньюпора».

«Вернуться туда? Посмотреть, что осталось от сожженного “Ньюпора”? А зачем? Что изменится, если даже я принесу доказательства, что аэроплан сжег? Поможет ли сейчас это доказательство моему дяде? Прошло с тех пор немало времени, и что случилось, то уже случилось».

Еще довольно долго проплутав в этом каменном лабиринте, Юра вышел к говорливой речке Бельбек. Здесь, в низине, было все еще по-осеннему тепло, и он даже снял подаренный ему Красильниковым полушубок.

Перепрыгивая с валуна на валун, он перебрался на другую сторону речки. Постоял, огляделся по сторонам. Если пойти влево, там далеко должна быть Ялта. Но лучше всего идти прямо на юг, где-то там море, а вдоль его берега тянется дорога. Она почти никогда не бывает пустынной. И если посчастливится, может, кто-то подвезет его до Балаклавы, а то и до Севастополя. А там и дом близко, можно пешком дойти.

Но спустя еще какое-то время Юра понял, что ни до моря, ни до дороги он сегодня вряд ли дойдет: солнце вот-вот скроется за горами и наступит ночь. Здесь, в Крыму, она наступает как-то сразу, почти минуя сумерки.

Идти ночью Юра не решался, в темени по бездорожью легко окончательно заблудиться. Да и не безопасно: хорошие люди по ночам в горах не бродят. Оставалось одно: найти где-нибудь среди валунов уютное местечко и пересидеть там до утра. А может, увидит в темноте огонек чьего-то жилища и попросится на ночлег.

Но пока все еще было светло, Юра продолжал идти.

Когда солнце совсем склонилось к дальним горам, он стал поглядывать вокруг, искать место для ночлега. В коротких сумерках он вышел к небольшой поляне, на которой темнели невысокие остроконечные холмики. Когда подошел поближе, холмики оказались увенчанными вершалями стожками кем-то заготовленного на зиму сена.

«Повезло», – подумал Юра и стал ворошить подножие стожка, выстилая себе постель. Укутался в полушубок, привалился к стожку. Где-то совсем близко хохотнул филин, ему отозвались несколько неизвестных Юре ночных птиц. И от этого птичьего грая страх, который с наступлением сумерек охватил Юру, вдруг улетучился, отступил.

Он стал смотреть на небо, которое как-то сразу усеяли неправдоподобно большие и яркие звезды. Казалось, что они опустились поближе к земле. Потом с моря стал наплывать легкий туман, и от этой прозрачной дымки они стали какими-то мохнатыми и мигающими, словно оттуда, с небесной выси, кто-то хотел сообщить что-то важное нам, землянам.

Никогда прежде, ни в детстве, ни позже Юра не видел таких небесных чудес. Быть может, и в Александро-Михайловке оно такое же, как и здесь, но ему там никогда не доводилось видеть ночного неба. По давно заведенному порядку, едва наступали сумерки, Ольга Павловна загоняла его и Лизу в дом, все вместе они разжигали самовар и накрывали к ужину стол, ожидая с работы Константина Яновича. Потом начиналось вечернее чаепитие с тихими семейными разговорами, которые иногда затягивались до глубокой ночи. И, наконец, мягкая постель...

От этих воспоминаний Юре стало совсем спокойно, он глубже зарылся в пахнущее летом сено. Мысли в голове начали путаться, и он задремал.

Но долго поспать ему не довелось. Спал он чутко и проснулся от каких-то звуков: похоже, скрипели плохо смазанные колеса. Скрип приближался. Юра стал вглядываться в темноту и увидел остановившуюся возле соседнего стожка высокую двухколесную арбу с впряженным в нее осликом. При этом двое – юноша и девушка – о чем-то разговаривали на непонятном ему языке.

«Татары», – догадался Юра и на всякий случай решил спрятаться на невидимой им обратной стороне стожка. Стал осторожно привставать, чтобы туда переползти, но пересохшее сено предательски зашуршало.

Двое на какое-то время застыли у своего стожка, потом стали тихо о чем-то между собой переговариваться. И наконец раздался решительный мальчишеский голос. Говорил парнишка по-татарски.

Юра не ответил, он лихорадочно соображал: надо бы бежать. Но тут же засомневался: в этой кромешней темноте он едва ли добежит до ближайшей каменной гряды. Не исключено, что сразу же по пути налетит на пару булыжников и легко сломает ноги. И уж как самое легкое в кровь собьет ноги и весь исцарапается. Да и мальчишеский голос не внушал ему серьезных

опасений. Станным Юре показалось лишь то, что за сеном они приехали ночью. Воруют? Но тогда не он их, а они его должны были бы бояться.

Юра встал возле своего стожка и, готовый бежать, все же решил немного выждать последующих шагов татарчат. Но мальчишка, бросив ему еще пару фраз, стал вместе с напарницей загружать сеном телегу. И делали они это так спокойно и неторопливо, что Юра засомневался, что они воруют. Так ведут себя только хозяева. А почему ночью? Может, оттого, что день стал намного короче и они не успевают сделать всю работу засветло?

Закончив загружать арбу, они о чем-то посоветовались, и потом парнишка снова что-то выкрикнул и, чуть выждав, двинулся к его стожку. Страх у Юры совсем прошел. К тому же голос у парнишки был не угрожающий, а скорее даже миролюбивый.

Совсем худенький татарин, под стать Юре по возрасту, может, чуть постарше, в легкой рабочей поддевке и в тюбетейке безбоязненно совсем близко подошел к Юре и, внимательно его рассмотрев, спросил:

– Ты русский? Почему не отзываешься?

– Я тебя не понял. Я не знаю татарского.

– Ты от кого-то прячешься? Не бойся, я никому ничего не скажу.

– Просто я иду домой. Только немного заблудился.

– Понятно: ты не хочешь говорить правду, – разочарованно сказал парнишка-татарин. – Ну что ж. Это твое дело.

– Почему ты думаешь, что я вру? – спросил Юра.

– Потому что и там и там, – он указал рукой в обе стороны вдоль довольно близкого здесь моря, – повсюду поселки и живут люди. Тебя бы кто-нибудь пустил на ночь. Но ты спускался с гор. На тебе полушубок, потому что в горах уже холодно. Скорее всего, ты был у партизан, потому что часто грелся у костра и не берег свою шубу. Но ты не бойся. Я тебя не выдам. И мой отец и я, мы часто помогали партизанам.

Юра молчал. Рассказывать все, что с ним случилось, он не хотел. Да и поймет ли татарин все, что так круто замесилось в его совсем еще юной жизни? Идет от партизан, но не партизан. Добирается в Качу, к белым, но не белый.

– Ладно. Не хочешь – не отвечай. Скажи только: где твой дом. Если правда, что ты идешь домой.

– Мой дом – в Севастополе. Чуть-чуть дальше.

– Это совсем неблизко.

– Мне бы к морю. Там дорога. Кто-нибудь подвезет.

– Дорогу тоже ночью не отыщешь. Да и не ездят сейчас по дороге ночью. Боятся, – сказал татарчонок и поднял на него глаза. – Ну так что, здесь останешься? Или, может, идем к нам. В тепле переночуешь. А утром что-нибудь придумаем.

Парнишка говорил неторопливо и обстоятельно, хозяйственная жилка уже с малых лет жила в нем. Поэтому и за сеном приехал потемну, за световой день не успел управиться.

Юре понравилось это предложение, но выказывать радость он не торопился.

– Тут совсем близко, – добавил парнишка и, не оглядываясь, направился к арбе.

Юра какое то время постоял в раздумье и пошел следом. Возле арбы он увидел ожидающую их девочку-татарку лет тринадцати. Она была в чужой, не по росту длинной вязаной женской кофте и в таких же больших чужих сапогах и походила на гномика из какой-то чужеземной сказки.

– Сестра, – указал парнишка на девочку. – Зовут Наилья. По-русски не говорит.

– А тебя как? – спросил Юра и добавил: – Меня Юрием. Ну, Юрой.

– Меня – Наиль.

– Ты – Наиль, а сестра Наилья? – удивился Юра.

– Так захотел отец, – ответил мальчишка. – Нам нравится.

Наиля шла впереди и тянула за повод ослика, Юра и Наиль шли сзади арбы.

Покинув поляну, они оказались на узкой каменной тропе. Большие, отполированные дождями и ветрами валуны обступали с двух сторон тропу, тянущуюся круто на гору. Вскоре они въехали в просторный двор с высоким каменным домом, с открытым балконом во всю длину постройки и с плоской крышей. Напротив дома стояли приземистые, тоже каменные хозяйственные строения. Услышав звуки въехавшей в двор арбы, заволновались куры и индюки, фыркнула лошадь.

Из дома во двор вышли мужчина средних лет и старик с жидкой белой бородкой, видимо, отец и дед Наиль и Наили. Отец о чем-то коротко переговорил с Наилем, после чего подошел к Юре:

– Салам алейкум! Проходи в дом, гостем будешь.

На рассвете Наиль разбудил Юру:

– Вставай! До моря не так близко. А до Севастополя... Если не подвезут, то к ночи и не успеешь.

Позавтракали лепешками с молоком, две лепешки Наиль сунул в карманы Юриного полушубка. Взрослые и Наиль еще спали, когда они, не попрощавшись, покинули этот гостеприимный дом.

Шли напрямиком, по бездорожью. По равнине идти было легко. Лишь иногда на их пути вставали каменные гряды из тяжелых, вросших в землю валунов. Отполированные дождями и ветрами, они под еще низким утренним солнцем лоснились, как новенькие офицерские сапоги и, мокрые от утренней росы, были очень скользкие. Их приходилось обходить, что удлиняло путь.

Часа через два солнце уже успело высоко подняться над дальними горами – они вышли к обрыву, за которым во всю ширь раскинулась морская гладь. А вдоль обрыва налево и направо протянулась дорога: глубокая колея в земле, в пыль разбитая колесами телег и конскими копытами. Автомобили ездили здесь редко, многие предпочитали более длинную, но ухоженную дорогу через Алушту вдоль Салгира – в Симферополь. Иные даже в Севастополь добирались на автомобилях тоже тем же кружным путем.

– Ну что? До свиданья, – сказал Наиль и протянул Юре руку.

– Точнее: прощай. Вряд ли мы еще когда-нибудь встретимся, – с грустью произнес Юра и пожал Наилю руку. И затем, вспоминая карту, вдруг спросил: – Там Ялта?

– Ялта у тебя за спиной. Впереди Алупка, Форос. Ты только не очень спеши. Я тут рядом к дядьке зайду. Он часто в Севастополь по делам ездит. Вдруг ты везучий? Тогда мы с тобой еще сегодня встретимся.

Наиль ловко и быстро, по-обезьяньи, взобрался на каменный вал, тянувшийся вдоль дороги, обернулся, взмахнул Юре рукой и тут же исчез. Какое-то время Юра еще слышал шорох осыпающихся под ногами Наилья камней, а потом и он стих. И лишь шум ленивого прибоя и резкие гортанные крики драчливых чаек, снующих вдоль морского обреза, подчеркивали наступившую тишину.

Юра остался один. Он неторопливо и задумчиво вышагивал по пустынной пока дороге. Где-то там, далеко-далеко, были Александро-Михайловка и Кача и, конечно же, добрейший Константин Янович. Если его не коснулся жестокий приговор военного трибунала, о чем Юра даже боялся думать, но если он, к счастью, жив, то, конечно же, казнит себя за то, что слишком уверовал в Юрин талант легчика или за то, что безоглядно полюбил его. Наверное, он пытался отыскать потерпевший аварию «Ньюпор». И если нашел и увидел его сгоревший остов, решил, что Юра погиб.

Юра представил себе траур в доме Лоренцов: заплаканная тетя Оля сидит за обеденным столом, с головой, перевязанной мокрым полотенцем, а Лиза молча ходит из комнаты в ком-

нату, словно что-то сосредоточенно ищет и никак не может найти. В доме стоит густой запах валерьянки...

Впрочем, к чему он бережит свою душу? Может, кто-то из тех мальчишек-татарчат, которые видели его после посадки «Ньюпора», сообщили дяде, что он не только не разбился, но даже совсем не пострадал, и Лоренцы теперь его с нетерпением ждут.

Вышагивая по дороге, Юра иногда оборачивался в надежде разглядеть вдали приближающуюся к нему тачанку или бричку на резиновом ходу – он недавно видел такую в Каче. Они легкие и по любой дороге несутся очень быстро. На такой бричке он бы до Качи еще задолго до захода солнца добрался. Но было все еще очень рано, и дорога оставалась пустынной.

Увлеченный своими фантазиями, Юра не сразу услышал, как за его спиной раздались какой-то скрип и топот. Обернувшись, он увидел совсем близко от себя телегу с запряженной в нее тощей лошадкой и двух седоков. В одном из них он узнал Наиль, он широко улыбался. На облучке с вожжами в руках восседал пожилой татарин. Возле Юры они остановились.

– Тебе повезло, Юрка, – спрыгнув с телеги, весело сказал Наиль. – Это мой дядя. Его зовут Ахмет. Он как раз собирался ехать в Севастополь, я его чуть-чуть поторопил.

После чего Наиль стал о чем-то долго и настойчиво говорить с дядей. Дядя хмурился, ему не очень нравились слова Наиля. Во время всего этого разговора он время от времени оценивающе поглядывал на Юру.

– Дядя не говорит по-русски? – спросил Юра у Наиля.

– Плохо. Но он хороший, – ответил Наиль.

– Я так понял, ему что-то не нравится в вашем разговоре. А говорили вы обо мне.

– Все правильно, – согласился Наиль. – Дядя спрашивает, ты кого-то боишься? Почему ты ушел от партизан?

– Почему он так подумал?

– Он говорит, у тебя полушубок много раз горел, и сам ты пахнешь дымом. Ты жил у партизан? Почему ты убежал от них? Ты – за белых?

– Нет.

– Дядя слышал: партизаны взяли в плен мальчишку, который прилетел туда на аэроплане белых.

– Скажи дяде, это долго объяснять, – попросил Юра. – Скажи, мне неохота ни с кем встречаться. Мне просто надо попасть в Александро-Михайловку. Там мой дом, и меня там очень ждут.

– Я мало-мало понимаю, – сказал вдруг Ахмет и стал вновь что-то говорить Наилью.

– Он говорит, что ни ему, ни тебе не нужны неприятности, и поэтому он просит тебя переодеться. Иначе вас остановят уже в Форосе. Теперь везде в Крыму военный режим.

– Во что я переоденусь? Он же видит, у меня с собой ничего нет! – с легким раздражением выпалил Юра.

– Оденешь все мое, а может, и у него что-то найдется.

– А как же ты?

– Мне проще, я дома, – беспечно сказал Наиль и вновь вернулся к прежнему разговору: – Ахмет говорит, если ты сумеешь ему заплатить, он привезет тебя в Александро-Михайловку. Он мог бы и даром, но он взял у знакомых рыбаков рыбу и ему надо ее перепродать. Она свежая и не может лежать долго. А у него четверо детей, и они почему-то каждый день просят есть.

– Понимаю. Думаю, дядя даст ему деньги.

– А мою одежду ты тоже вернешь с дядей.

– Договорились.

– Слушай, – вдруг осенило Наиля. – А может, твой дядя купит рыбу?

– Во всяком случае, если не дядя, то и в Каче, и в Александро-Михайловке купят. Я знаю, там ее охотно покупают. Обещаю, Ахмет останется доволен.

– Ну что ж, переговоры закончены! – улыбнулся Наиль и коротко и деловито приказал: – Переодевайся!

Ахмет порылся в своей телеге и откуда-то из ее глубин извлек цветной ватный халат. Юра снял свой партизанский полушубок, протянул Наилью:

– Возьми. Надеюсь, он мне больше не понадобится.

Ахмет жестами показал, чтобы Юра снял и свою голубую летнюю форму. Юра отрицательно покачал головой:

– Нет-нет, это не могу. Это же...

– Не горячись. Дядя все понимает. Но из-за этой твоей одежды может возникнуть много вопросов. И будешь долго доказывать какому-нибудь казаку, что ты – не верблюд, – затем Наиль обернулся к дяде, и они коротко о чем-то переговорили.

– Сними хоть куртку. Халат длинный, штаны не так бросятся в глаза.

Юра снял свою голубую куртку с золочеными металлическими крылышками на груди (тоже изобретение Константина Яновича), Ахмет бережно ее сложил и сунул куда-то в глубины своей телеги, после чего протянул Юре халат. Он был безразмерный, Юра утонул в нем едва ли не с головой. Укутавшись, он высунул голову и был похож на птенца, только проклюнувшегося и высовывающего голову из скорлупы, чтобы поскорее увидеть этот новый для него мир.

Ахмет с легкой улыбкой одобрительно поцокал языком. Летный шлем, который Юра не носил, но и не расставался с ним, Ахмет отобрал у Юры и сунул под ящики с рыбой.

Телега тронулась.

Наиль долго смотрел им вслед, затем бросился их догонять.

– Совсем забыл, – запыхавшись, сказал он. – Дядя просил, чтобы ты ни с кем не разговаривал. Дядя скажет, что ты глухонемой.

– Но зачем? – насутился Юра.

– Так будет лучше. Ты слушайся дядю. И не сердись. Дядя знает что говорит, – и Наиль снова остановился. И когда они отъехали уже довольно далеко, он помахал им рукой и затем быстро взобрался на почти отвесную каменную гряду, тянущуюся вдоль дороги. И уже стоя наверху, еще раз взмахнул им рукой и исчез.

Солнце поднялось уже довольно высоко, и дорога стала постепенно оживать. Вскоре их обогнали несколько вооруженных всадников. Чуть позже мимо них промчалась скрипучая тачанка. Потом им навстречу без строя пробрели усталые запыленные солдаты. Похоже, они всю ночь шли без отдыха. Следом за ними еще одна такая группа. И еще...

Ахмет иногда лениво помахивал кнутом, отгоняя от лошади отогревавшихся на солнце злых осенних слепней, и что-то тихо пел себе под нос.

Где-то около полудня возле Балаклавы из переулка выехал конный казачий патруль. Один из всадников остановил своего коня на пути их телеги.

– Куда путь держим? – коротко спросил он.

– Базар, – ответил Ахмет.

– Поздновато, дядя. Добрые люди уже с базару вертаются, – усмехнулся он и задержал взгляд на Юре. Спросил: – Сын?

– Син, син! – закивал Ахмет.

Юра вобрал голову в плечи и стал почти невидимым в своем пестром гнезде.

Казак объехал вокруг телеги, пристально вглядываясь то в Ахмета, то в Юрия. Но все больше направлял взгляд в телегу, там был его основной интерес.

Ахмет понял казака, сдернул с деревянных ящиков стеганое одеяло, под которым заблестела рыба, чешуей переливаясь на солнце.

– Сирой рыба, – объяснил Ахмет.

– Вижу, шо не пряники! – казак пренебрежительно сплюнул. Еще раз неторопливо объехав вокруг телеги, он снова остановился возле Юры и опять изучающе уставился в него взглядом.

– Ваш благородь! Погляди сюды, пацан вроде як на татарчонка не похожий!

– Тебе, Лемех, шо? Больше делать нечего? – сердито отозвался темнолицый усатый казак с серьгой в одном ухе, видимо, командир. Он глазами вцепился в одну беспорядочно бредущую группу солдат, и это занимало его сейчас больше всего. – Выясни, шо за стадо? Куда оны пруть? З Ялты парахода уже отчалилы, там большевыки. Развертай их на Севастополь! Построй! И – с песней!

– Слухаюсь! – освобождая путь телеге, казак переехал на другую сторону дороги и перегородил конем путь бредущим солдатам. Разворачивая их в обратную сторону, стал что-то им кричать. А Ахмет стегнул кнутом лошадку, и она вновь резво побежала по дороге. Теперь им стали все чаще попадаться группы солдат и одиночки, которые устало брели в сторону Севастополя.

Недалеко от Качи Юра стащил с себя ватный цветной халат, в котором, как в гнезде, просидел всю дорогу, и переоделся в свою голубую куртку и брюки.

Глава вторая

Уже начало темнеть, когда они миновали караулку Качинской авиашколы, административное здание и темные в сумерках ангары.

Юра молча рукой показал Ахмету, где надо сворачивать. Сразу за летным полем начинался Александро-Михайловский поселок, в котором в основном и жил летный и частично технический состав школы. Одноэтажные и двухэтажные домики тесно жались друг к другу, словно боялись одиночества. Юра нетерпеливым взглядом отыскал дом Лоренцов и с радостью отметил, что его окна уже освещены.

Телега еще только приближалась к дому, как в окнах несколько раз промелькнула чья-то тень, и едва она остановилась, как на ступени высыпали все его обитатели. Первой дробно простучала каблучками по ступеням Лиза и повисла у брата на шее. Ольга Павловна остановилась на ступенях, выжидая, пока Лиза обцелует брата, затем жестом отодвинула ее и тоже обняла Юру одной рукой, а пятерней другой провела по его волосам и сокрушенно сказала:

– Господи! Немытые и дымом пахнут.

Константин Янович наблюдал за всем этим целованием с верхней ступени лестницы. И лишь когда уже сам Юра, изнемогая от излишней порции нежностей, выскользнул из объятий Лизы и Ольги Павловны, Лоренц спустился вниз, слегка прижал его к себе, поцеловал в голову и коротко сказал:

– Молодец!

Юра, ожидавший казни за погубленный аэроплан, поднял на Константина Яновича удивленные глаза. И тот объяснил:

– Ну, во-первых, остался жив. А твоя тетя Оля, да и Елизавета поспешили тебя похоронить. Мне надоело слушать их рыдания. Во-вторых, ты не растерялся. На такой пятачок в горах не всякий опытный летчик рискнет пойти на посадку. Поэтому неудивительно...

– Значит... значит, вы там были? – взволнованно спросил Юра.

– Там были наши поисковики. Татары рассказали им, что ты остался жив и что аэроплан загорелся не сразу, как ты упал. Может, короткое замыкание?

– Да нет же! Нет! – с обидой в голосе почти закричал Юра. – Я не упал. Я посадил его. Я классно его посадил. Его можно было вывезти оттуда, и он бы еще летал.

– Но мне доложили, что он сгорел.

– Он не сгорел. Он был совершенно целый. Его сожгли партизаны.

– Та-ак. Интересно. И ты их видел?

– Вот как вас. Там был и дядя Семен. Тетя Оля, возможно, его вспомнит. Помните, он рассказывал, что ходил в наше имение под Таганрогом, чтобы отыскать вас?

– Тот матрос? – удивилась Ольга Павловна.

– Ну да. Все это время я у них был. Он меня и отпустил, – но, слегка подумав, поправился: – Ну не то чтобы отпустил. Я просто сбежал. А дядя Ахмет согласился отвезти меня домой, – Юра виновато склонил голову и добавил: – Я пообещал ему, что вы заплатите.

– Об этом, пожалуйста, не беспокойся! – сказал Константин Янович и затем удивленно спросил: – Но что ж это мы стоим на пороге? Идите в дом, а я несколько задержусь, улажу с Ахметом все финансовые дела.

Они двинулись по ступеням ко входу в дом. Где-то прозвучали глухие раскаты.

– Артиллерия, – с видом знатока сказал Юра. – И, кажется, совсем недалеко.

– Да, мальчик мой, это война. И она неумолимо приближается к нашему дому.

В квартире был полный развал. В прихожей и в комнатах лежали какие-то узлы и коробки.

– Что тут у вас? – удивленно спросил Юра.

– Дядя тебе все объяснит, – ответила Ольга Павловна.

Потом вернулся с улицы Константин Янович, долго чем-то гремел в прихожей и, зайдя в комнату, сказал:

– Олечка, я приобрел у этого татарина немного рыбы. Представляешь, совершенно свежая. Да, и еще пуд картофеля по очень смешной цене.

– Думаешь, все это нам еще пригодится? – раздраженно спросила Ольга Павловна.

– Ну, если не нам, то кому-нибудь еще.

– Большевикам?

– Они тоже хотят есть, – спокойно ответил Лоренц. – У меня пока нет причин их ненавидеть.

– Приехали! – Ольга Павловна обожгла мужа негодующим взглядом.

– Хватит! Больше не будем об этом! В тебе просто говорит сословная злоба. Я же читал их листовки. Все могло обойтись без крови, если бы твоя родня и другие такие же согласились поделиться своими излишествами с бедными. В конце концов, Россия настолько богатая страна, что всего этого хватило бы на всех.

– Похоже, ты уже становишься большевиком.

– Пока еще нет. Но я тоже против как социального, так и экономического неравенства.

– Прекрати! Побереги хоть психику мальчика, – Ольга Павловна снова обняла Юру, поцеловала его в голову. – У него отца убили большевики!

– Его отца убила война, – не согласился Лоренц.

– Ты называешь это войной? Это государственный переворот, грязный и подлый. Русские против русских.

– Хватит, Ольга! – вспыхнул Лоренц. – Сегодня не время для дискуссий. Отправь мальчика в ванную и, кстати, простирни его униформу.

Ольга Павловна молча встала, взяла Юру за руку, и он послушно пошел за нею.

После ужина и ванны Юра крепко уснул. Но ночью где-то далеко, похоже, что в Каче раздались несколько выстрелов, а спустя какое-то время стрельба повторилась. Юра проснулся еще после первых выстрелов и стал прислушиваться. Видимо, сказались пребывание в партизанском лагере, где надо было всегда быть начеку.

В доме было тихо. Это удивило Юру: Лоренц-то должен был проснуться!

Юра прошлепал к спальне взрослых, постучал в дверь.

– Да-да! Это ты, Лиза? – отозвалась Ольга Павловна.

– Это я, Юра. В Каче стреляют.

Константин Янович торопливо схватился и уже через минуту вышел на ступеньки. Прислушался. Кругом стояла глухая тишина, которую подчеркивал только одинокий тоскливый собачий лай.

– Юра, может, тебе показалось? – спросила стоящая сзади Лоренца Ольга Павловна.

– Н-нет, по-моему, раз пять стрельнули, а потом еще... тоже раз пять... может, больше, – как-то не совсем уверенно сказал Юра.

– После партизанщины тебе еще долго будут сниться военные страсти, – недовольным голосом сказала Ольга Павловна и с досадой добавила: – Я теперь до утра не усну.

– Нет, не приснилось... Стреляли... Мне показалось, в той стороне, – Юра указал в сторону Качи.

– «Показалось», – проворчала Ольга Павловна и поднялась к входной двери, оттуда командовала: – Марш по постелям!

Расстроенный недоверием, Юра ушел к себе, улегся, накрыл голову одеялом, чтобы больше ничего не слышать. Но, даже несмотря на одеяло, даже не напрягая слух, он услышал какую-то перепалку между Лоренцом и тетей Олей. Он высунул голову из-под одеяла, прислушался.

– Нет, я пойду с тобой! – услышал он голос тети: – Или не ходи! стыдоба! Мальчику после стольких кошмаров что-то приснилось, а ты своим появлением среди ночи поднимешь не только Качу, но и наш поселок.

– Слушай, Ольга! Не выводите меня из себя! Я так же, как и ты уверен, что мальчику все это почудилось. И все же... Начальника школы сейчас здесь нет, и так выходит, что за все отвечаю я. Разве не понятно? – и уже помягчевшим голосом он добавил: – Я лишь на минуту!

Ольга Павловна ответила мужу совсем уж елеиным голосом:

– И я с тобой, Костя. Чтоб тебе не было скучно одному.

– Нет! – твердо сказал Лоренц. – Представь, сколько завтра в поселке будет смеху: «Вы слышали, Лоренц ночами боится выходить на улицу. Только в сопровождении жены», – и гневно добавил: – Нет!

Юра слышал, как следом за последними словами зло хлопнула входная дверь и как потом Ольга Павловна прошла в комнату дочери и тихо спросила:

– Ты не спишь?

– Что-то случилось? Вы так громко ругались.

– Ничего не случилось. Просто Юре после всех тех кошмаров приснилась какая-то партизанская война, – успокоила Ольга Павловна дочь. – Спи.

Но, как выяснилось, ночная стрельба Юре не приснилась. Ее слышали некоторые технари и несколько курсантов-выпускников. Лоренц пришел в Качу, когда они столпились возле часового, который им рассказывал о ночном происшествии.

– Ну, расскажи сначала, – попросил Лоренц.

И часовой стал подробно, в лицах, рассказывать:

...Прискакали на конях трое.

– Спице, так вашу?! – кричат. – С большевиками договор заключили? Суки! Предатели!

– Вы хоть скажите, что случилось? – спрашиваю.

– Не знаете, да? Сволочи! Гады! Армия третьи сутки на кораблях грузится, не сегодня-завтра в Турцию отчалит. А у вас тут тишь-благодать. Где начальник? Для начала его расстреляем! А потом и остальных. Хриstopродавцы! Заразы!

– Наш начальник Гогия. Его уже недели две нету. Наверное, в Севастополе. Он там в свите Верховного. А может, к себе в Грузию подался.

– Вызывай заместителя. Его, иуду, шлепнем, а вас всех зачнем вакуировать.

– Вы что, сдурели? На чем вакуировать?

– На еропланах.

– Дураки безмозглые! – говорю им. – Тут только учебные еропланы, на одного человека. Сто верст, больше не одолеют. А до Турции сколько? И все над морем. Хотите в море искупаться? Пожалуйте!

– Показывай еропланы. Если шо сбрыхав, и тебя вместе с твоим начальством к стенке поставим!

– Не имею права, – говорю, – ангары открывать. Тем более что там и смотреть вам нечего. Аеропланы, которые в ангарах, – на ремонте.

– А те, другие, на которых вы настроились до большевиков драпать? – спрашивают.

– Таковых нету. Отлетались, – говорю.

– Как это – «отлетались»?

– Почили, – говорю, – в Бозе. В боях с большевиками сгинули.

– Вызывай сюда вашего главного! Мы ему счас яйца на глаза натянем, шоб лучшее за техникой глядел. Саботажник! Изменник! Большевиcтский шпион!

– А мандат у вас на вакуацию имеется? – спрашиваю.

– А как же! Вот! – говорит их самый главный и сует мне под нос ствол маузера. – Вызывай, а то счас печать на мандате поставлю!

Что было делать? Стрельнул я два раза, как раньше условились.

– Ты зачем это? – спрашивают.

– Начальника, – говорю, – вызываю.

Они, как дурные дети, тоже по паре раз в небо пальнули. Любят стрелять. Ждать вашего прихода не стали. Приказывают показать им ангары. И опять маузером перед носом машут. Повел я их. В один заглянули – разобранный аэроплан, во второй – мотор на верстаке стоит. Озлились. Подошли к седьмому ангару, а на нем пудовый замок висит.

– Открывай, – приказывают.

– Этот ангар лично начальника школы Гогии. Только он пустой, – говорю им. Не поверили. Стали прикладом винтовки по замку лупить. Винтовка вдребезги, а замку хучь бы что. Каменюкой пробовали – тоже не взяла.

И тут еще один ихний прискакал. Конь в мыле. Кричит:

– Вы шо тут прохлаждаетесь? Красножопые уже под городом!

Они – на коней, чуток со своих винтовок в небо пошмаляли – и как ветром сдуло... Все! – закончил свое повествование часовой...

– Видать, скоро снова явятся, – сказал кто-то из технарей. – Ладно бы, только пустой стрельбой обошлось. По дури могут и нас пострелять, – и он обратил вопросительный взгляд на Лоренца. Остальные тоже ждали, что скажет он.

Лоренц ничего не ответил. Он понял, что остался в Каче единственной властью. Что-то надо предпринимать. Но кто скажет, кто снова сюда явится? Если представители белых, то уже надо начинать уничтожать Качу, жечь находящиеся в ремонте аэропланы, подрывать здания. Если же явятся красные, они только похвалят за то, что сберегли Качу от уничтожения.

У Лоренца было только два выбора. И оба смертельно опасные. Если не угадает, его первого расстреляют или как саботажника и предателя, или как врага. И все равно надо было что-то предпринимать, иными словами, принимать одну из сторон.

– Во! Насчет ветра! – что-то вспомнил один из курсантов. – Заметьте, он со вчерашнего вечера от поселка в сторону Качи дует. Потому стрельбу мало кто и слышал. Я во дворе еще был, потому прибежал.

– А у меня пес брехливый. Как улышит где стрельбу, такой лай поднимает – мертвого разбудит, – сказал тот же технарь.

– А меня Юрий разбудил. Уж на что чутко сплю, а ничего не слышал, – сказал Лоренц.

– Что? Нашелся? – спросил кто-то из технарей. – А я и не сомневался, что найдется.

Еще кто-то похвалил Юру:

– Он...это ... самостоятельный пацан. Такой где хочешь не пропадет.

Потом Лоренц попросил часового зажечь фонарь. Они обошли оставленные распахнутыми ворота ангаров и позакрывали их. Подошли к седьмому, стоявшему на отшибе, чуть в стороне от других ангаров. Оглядели замок. Он был цел, но жестоко исцарапан.

Лоренц достал из кармана ключ, и замок с мягким хрустом открылся. Распахнули ворота ангара, подсветили фонарем. Удерживаемый металлическими башмаками, в ангаре стояло чудо немецкой техники – новенький белоснежный двухместный «Эльфауге». Рядом с башмаками с двух сторон шасси темнели какие-то коробки.

– Посвети сюда, – попросил Лоренц, и когда часовой направил свет на эти коробки, все увидели, что это два жестяных тридцатилитровых жбана с горловинами, которые завинчивались металлическими пробками.

– Это Гогия недели две как привез. Я видел, как он их сюда ставил, – сказал один из технарей.

– Что в них?

– Чача, – сказал кто-то в шутку. Шутку поддержали, засмеялись.

Техник склонился к одному из жбанов, крутнул металлическую пробку. Из-под нее засвистел сжатый воздух, забулькала влага, и по ангару поплыл стойкий запах бензина.

– Далеко собирался лететь, – обронил кто-то.

– Видно, все же решил плыть в Турцию на корабле. Без риска и с комфортом, – сказал Лоренц и затем задумчиво добавил: – То-то, помнится, он у меня спрашивал, сколько бензина жрет «Бенц» на сто километров на «Эльфауге».

– Никуда он не поплывет. Он уже удрал в Грузию, – сказал один из выпускников школы.

– Почему так думаете? – просил Лоренц.

– Да какой он летчик? Помните, тогда, на «Ньюпоре»? Взлетел и тут же брякнулся за Александро-Михайловкой в огородах. И в той же Турции? Кем он там будет? И вообще! В Севастополе армия грузится на корабли, и все думают, что нас забыли. Бандиты вот вспомнили, но убедились, что у нас пожить нечем, исчезли. А Верховному мы зачем в Турции? Какая от нас польза без аэропланов? Чего от нас ждать, кроме ненужных хлопот? Нас не забыли. Нас оставили, как старые башмаки! Или я не прав?

И все промолчали. Длительную тишину нарушил Лоренц. Сказал то, что от него ждали:

– Ну, вот что! Демобилизационные настроения отложим на будущее. И всякие предположения тоже! Я – не гадалка, и что будет завтра, предсказать не могу, – сказал он жестко. – Мы – солдаты, из этого и будем исходить, а не гадать на кофейной гуще. Предлагаю всем, кто здесь, оставаться до утра. И ждать приказа. Вызывать меня немедленно, если что-то подобное еще произойдет. Если будет возможность – посыльным. Нет – выстрелами.

Но до утра больше ничего в Каче не произошло.

Константин Янович разбудил Юру очень рано.

– Еще поваляешься или пойдешь со мной? – спросил он.

Юра отметил, что дядя не в своей парадной форме, в которой он по утрам выходил на построение, а в той рабочей, в которой ему часто приходилось возиться в ремонтных мастерских.

– На аэродром? – спросил Юра Лоренца.

– И на аэродром, – кивнул Лоренц. – Хочу, чтобы тебя все увидели и убедились, что ты цел и невредим, что характеризует тебя как летчика с лучшей стороны.

– А что скажут по поводу сожженного аэроплана? – одеваясь, спросил Юра.

– Ты думаешь, они ничего не понимают? Они тоже теряли аэропланы. Всякое бывало. Поймут, – сказал Лоренц и, немного помолчав, добавил: – Аэроплан – дело наживное. Новый построят. Важно, что ты в борьбе со стихией победил, раз сумел остаться в живых.

День был пасмурный, дул холодный ветер. Где-то, пока все еще далко, гремели артиллерийские выстрелы. Но это уже не была длительная канонада. Просто изредка то в одной, то в другой стороне раздавался одиночный взрыв – и на какое-то время вдруг повсюду становилось совсем тихо.

На аэродроме возле ангаров и мастерских было многолюдно. Стояли кучками, обсуждали ночной бандитский налет – к этому склонялись почти все. Лишь возле единственного ангара никого не было.

– А почему седьмой всегда закрыт? – спросил Юра у Лоренца.

– Это как бы личный ангар нашего начальника.

Они остановились возле седьмого.

– Гогии? – вспомнил Юра щеголеватого смуглого, но беловолосого грузина. – Он что? Пустой?

– В нем стоит один из лучших аэропланов школы – немецкий «Эльфауге».

– Его не угонят куда-нибудь в Турцию? – спросил Юра.

– Не знаю. Я вообще не знаю, что происходит. Никаких инструкций, никаких приказов. Многие высказывают мысль, что нас забыли. Я тоже начинаю так думать.

– Но что-то же надо делать! – рашительно сказал Юра.

– Ты мне все больше нравишься, мальчик. Ты за короткое время так повзрослел, – похвалил Юру Лоренц, ласково потрепав его волосы. И затем серьезно объяснил: – Я жду приказа и боюсь его. Потому что смысл его может быть единственный: школу ликвидировать, летный и технический состав эвакуировать. А это означает: сжечь аэропланы, взорвать здания и отправляться в изгнание, куда-нибудь в Турцию или Румынию. А я не смогу своими руками все это уничтожить. Наверное, ты хочешь знать, почему? Изволь. Я положил всю свою жизнь на создание этой новой для человечества хозяйственной отрасли. Я представляю ее в недалеком будущем: большие мощные аэропланы будут летать над всей землей, переносить из одного конца в другой миллионы тонн грузов, за несколько часов доставлять людей в самые далекие уголки земли. Люди перемешаются, не будет рас и национальностей. Они выработают единственный язык. Исчезнут государства, на всем земном шаре будет одно-единственное, и им будут управлять несколько самых умных, честных и благородных людей. Вот что такое авиация, мальчик!

Юра слушал Лоренца, как завороченный.

– И ты будешь одним из первых, кто поведет такие гигантские аэропланы, – дядя взял Юру за руку и они тронулись дальше. На ходу Лоренц добавил: – Нет-нет, не думай, я никакой не фантазер. Так будет. И я не хочу уничтожать наши аэропланы, нашу школу, потому что это может на годы отодвинуть то, о чем я тебе рассказал.

Они подошли к административному корпусу, где собралось большинство жителей Александр-Михайловки – охранники, технари, педагоги, курсанты – все они работали в Каче.

Увидев пришедшего с Лоренцом Юру, обступили их, здоровались с Юрой за руку, похлопывали по плечу.

– Живой!

– А мы уже хотели свечки за упокой...

– Прекратите глупости, – нахмурился Лоренц. – Некоторым посоветовал бы поучиться, как можно в ущелье так ювелирно посадить аэроплан.

– Так, говорят, он же сгорел.

– Он целый был, ни царапины. Его партизаны спалили, – огрызнулся Юра.

Короткая артиллерийская канонада прогреготала где-то совсем недалеко.

– Вчера еще далеченько гремело, а сегодня чуть ли не в наших огородах, – отметил кто-то из технарей.

– Это так кажется. Где-то под Евпаторией.

– Похоже, под Саками.

Все обернулись к Лоренцу.

– Что наше начальство думает? – спросил кто-то из лечиков.

– Оно ждет приказа! – ответил Лоренц и пояснил: – Те из вас, кто относится к военному ведомству, знает: в армии не допускается никакая самостоятельность.

– А если так быстро драпали, что приказ где-то в пути потеряли? – насмешливо спросил кто-то из толпы.

– Я понимаю вас, вы ждете определенности. Но ее у меня пока нет. Подождем еще немного...

– А если они тем временем смотаются? – допытывался все тот же насмешник.

– Вот тогда я обращусь не только к вам, но и ко всем остальным с вопросом: что нам делать? Думаю, до чего-то разумного мы все же додумаемся.

На следующий день рано утром снова собрались в Каче почти все, кто не покинул Александр-Михайловку и имел к ней какое-то отношение. Они, как сомнамбулы, ходили по территории авиашколы, заглядывали в опустевшие мастерские, в безлюдные ангары. Делились друг с другом своими размышлениями.

- Вы не заметили? Я с рассвета прислушиваюсь – тишина. Ни взрывов, ни выстрелов.
- Может, прогнали из Крыма?
- Кого?
- Известно кого.
- Не крути волю хвост. Ждешь, чтоб большевиков прогнали?
- А може, наоборот?
- Так и говори. Развелось вас, хитрозадых!

В различных сомнениях и неопределенности прожили утро.

Лоренц, продолжая оставаться в школе за главного, послал нескольких толковых сослуживцев в Севастополь с наказом: выяснить, что там происходит.

Они вскоре вернулись с известием: на рассвете белая армия покинула на кораблях Севастополь. В городе на домах развеваются красные флаги.

Часть вторая

Глава первая

Уже давно скрылась за горизонтом светлая полоска крымского берега, отстали от растянувшейся до самого горизонта эскадры говорливые чайки. Кончилась многодневная сумасшедшая суета, связанная с последними днями отступления и размещением на кораблях покидающего Россию войска.

Все кончилось!

Но Врангель все не уходил с палубы крейсера «Генерал Корнилов», словно еще не верил, что это уже случилось, мосты сожжены и возврата к прошлому нет.

Все последние месяцы непрерывных изнуряющих боев в Северной Таврии он понимал, что проигрывает, и проиграет эту битву. И его неотступно преследовала одна и та же мысль: «как достойно, не потеряв лица, сохранить при этом дееспособную армию, пригодную для будущих сражений». Веры в то, что удастся закрыть на железный запор Крымский перешеек и отсидеться в Крыму до будущей весны, у него уже давно не было. Не то время, не та война! Но и не обращать внимания на пессимистические, деморализующие настроения своих подчиненных он не мог, не имел права, хотя тоже уже думал так же, как и многие из них.

Каждодневно, а точнее, каждую ночь, он раскладывал в уме, как некий карточный пасьянс, самые несбыточные варианты спасения армии. Голова все время была забита безумными расчетами различных военных хитростей: десантов, окружений. Он мысленно бродил взглядом по оперативной карте, отыскивая, за что бы спасительное еще можно зацепиться? Казалось, вот оно! Но по здравому размышлению, только что найденное оказывалось мыльным пузырем, бессмыслицей.

Лишь одна мысль стала все чаще задерживаться в его голове. В последние недели она оказалась едва ли не единственной. Собственно, других вариантов и не было, он все их пристально рассмотрел и отбросил. Но и этой мыслью он не торопился ни с кем делиться. О его душевных терзаниях мало кто знал: друзей у него почти не было, большей частью его окружали сослуживцы, которым он не стремился открывать свою душу.

Окончательно он в нее уверовал и принял к действию после того, как ее как-то произнес командир Кубанского корпуса генерал-лейтенант Фостиков.

– Ваше превосходительство. Может, не то скажу, но послушайте! – сказал тогда он. – Вы ведь ломаете голову над тем же, над чем и многие из нас: как спасти армию от разгрома и бесславия. Я со многими делился этой мыслью, хочу высказать и вам. Не вижу иного варианта, кроме как эвакуировать войска в Турцию. А там Господь укажет, как поступить дальше.

С того дня все и началось.

Он стоял, опираясь на леер, ограждающий верхнюю палубу – и после многодневной портовой суеты, злобных окриков руководивших погрузкой офицеров, вялой ругани устало бредущих по сходням на корабли солдат, тоскливого ржания оставленных за припортовой оградой лошадей – только сейчас он почувствовал, как тяжелая глыба словно бы истаявала в его душе. Он сделал все, что мог и уже ничего нельзя изменить! Да и то сказать: выбирать было не из чего. Выходов было только два: либо положить там, на крымском берегу, тысячи и тысячи до конца поверивших в него людей, либо принять непопулярное решение об эвакуации, иными словами, о бегстве, но спасти армию. Третий выход – плен – никогда не возникал в его размышлениях.

Он долго смотрел на растянувшуюся и исчезающую за горизонтом эскадру. Было безветренно, и дымные столбы судовых труб подпирали выстиранное долгими дождями блеклое осеннее небо. Давно скрылись за сиреновой далью обрывистые крымские берега.

Неужели это конец? Неужели он больше никогда не ступит на прикипевшую к его сердцу севастопольскую Графскую пристань, не пройдет по привычной с юности гулкой мостовой московской Тверской, не полюбуется Петропавловской крепостью, неподалеку от которой там, на Заячьем острове Санкт-Петербурга, прошли его незабываемые детские годы? Неужели всего этого больше никогда-никогда в его жизни не будет?

Вспомнился Фостиков: «Эвакуировать... а там Господь укажет...». «Ах, милейший Михаил Архипович! Тебе легко было это сказать, за твоими плечами всего лишь наполовину разбитый в последних боях Кубанский корпус, немногим меньше тысячи человек. Ты, конечно, был прав, положение оказалось безвыходным. Но как Господь укажет? И когда?»

Низкое солнце выглянуло из-за корабельных дымов. Уже вечерело, и оно, завершая этот тяжелый день, светило с какой-то осенней печалью, но и с робкой приветливостью, словно обещающая впереди надежду. Тяжелый крейсер неторопливо, нехотя врезался в морскую гладь, оставляя за кормой масляно поблескивающие буруны.

На палубе никто не появлялся. Видимо, еще издали, завидев одиноко стоящего Врангеля, решили не тревожить его, не отвлекать от тяжелых раздумий. А он перебирал в памяти все, что могло даже в этом его тяжелом положении вселить в его душу хоть крупицу оптимизма. Еще тогда, принимая решение об эвакуации армии в Турцию, он втайне верил, что это еще не все, не конец России.

В то, что большевики не сумеют удержать власть, он несколько не сомневался. Он знал, лучшие люди, светлые умы, спасаясь, покинули Россию. И кто у них теперь будет управлять этим огромным, сложным и противоречивым государством? Матросы, приказчики? Рабочие, крестьяне? Может, не сразу, не в один месяц, но, в конечном счете, в стране начнется управленческая неразбериха, хозяйственные отрасли придут в упадок. Дальше – хаос: разруха, голод, холод, нищета.

Вероятно, будущие историки забудут о том, о чем восторженно писали прежде: «Врангель – надежда России. Он – человек с твердым, гранитным характером. Он сможет!» Никто из них не знал тогда, когда он стяжал славу в самых трудных боях, чего стоила ему каждая победа. Не Фостикова вспомнят, когда станут анализировать эту бесславную крымскую эпопею. Забудутся мелочи, детали, которые во многом и стали причиной поражения. Даже Фостиков, который вместе с ним прошел с боями от Каховки до Крыма и весь Крым, не знал всего того, что знал, был обязан знать, помнить и учитывать он – Главнокомандующий. Видать, не все знал. Или не все учел. А если бы они еще знали, какие душевные терзания переживал он каждый раз, когда судьба ставила его перед очередным крутым поворотом.

Когда союзники отказали в доверии Деникину и предложили ему возглавить Добровольческую армию, он ведь поначалу отказался от этой должности. Но... подвело честолюбие. Его упросил сам Деникин, а он не понял подвоха. Деникин недолюбливал своего честолюбивого подчиненного, и они часто и порою яростно конфликтовали. Уставший и разуверившийся в затянувшейся войне, перекладывая на Врангеля свой тяжкий крест, он, вероятно, злорадно подумал: «Пусть попробует горький хлеб человека, на плечи которого возложена судьба России».

Врангель верил в свою судьбу и не мог предположить, что все так обернется. Но такова судьба любого военачальника – без головокружительного восторга принимать славу победы, а случится поражение – до дна испить чашу с ядом презрения и позора.

Случилось!

Но – нет, это еще не конец. За его спиной была армия, прошедшая сквозь сотни боев и одержавшая в них немало славных побед. Солдаты, офицеры и генералы даже сейчас, в дни неудач и разочарований, не покинули его, не отвернулись, поверили в него, как безоглядно верят проводнику, ведущему людей сквозь чащи и буреломы дикой тайги, как капитаны верят лопманам, ведущим их корабли сквозь невидимые рифы. Так и его солдаты: они поверили в

то, что он знает что-то такое, чего не ведают они. Поверили в то, что, в конечном счете, он вновь с победой приведет их туда, где их ждут жены, дети, престарелые родители. Не это ли тот маяк, который указывает ему Господь?

Вспомнились мудрые русские пословицы, которые часто повторял его отец Николай Егорович: «На Бога надейся, но и сам не плошай» или другая – «Бог – не Бог, но и сам не будь плох». В арсенале отца было много русских пословиц и других мудрых высказываний на самые разные случаи жизни. В молодости Николай Егорович Врангель был сибаритом, повесой, но и большим знатоком и любителем русской словесности и искусств. Его перу принадлежат две пьесы: «Петр Федорович Басманов» и «Марина Мнишек», их действие происходит в период Смутного времени. Он также едва ли не первым перевел на русский язык «Фауста» Гёте.

Николай Егорович никогда не терялся даже в самых трудных и нелепых ситуациях и перепелках, которых с ним случалось немало, и воспринимал их с веселым оптимизмом, извлекая из своей копилки одну-две подходящие к этому случаю пословицы или мудрости.

Врангель потеплел душой и, глядя на следующую в кильватере крейсера эскадру, решительно поставил точку в раздумьях. Нет, он не обманет надежды его солдат! Отдохнув, набравшись сил, окрепнув душой и телом, они с победой вернутся на тот берег, на ту землю, которую сейчас покинули. Это их мечта. И его. Пожалуй, это и есть тот путь, который указывает ему Господь. Единственный. Как ни размышляй, но иного ни для него, ни для них нет.

И еще он подумал, что у него есть немного времени, но в него надо уложиться, чтобы тщательно разработать эту операцию. Беда лишь в том, что она вряд ли сохранится в тайне. Большевики, конечно, будут предполагать о его намерениях. Возможно, что-то и узнают. Пусть. Важно только скрыть точное место и время начала операции. Это, конечно, надо будет держать в строгом секрете. Что еще? Зима в Турции короткая. Ранней весной они должны вернуться. Где? Как? Об этом надо думать и думать. Возвращение должно быть неожиданным и внезапным. Россия к тому времени уже будет ждать его армию – в этом он не сомневался.

Постояв еще немного, радуясь упокаивающему душу решению, он подумал, что пора отдыхать, и направился в свою каюту. Капитан «Генерала Корнилова» временно уступил ее Главнокомандующему, сам же унес свою постель в капитанскую рубку, рассчитывая спать лишь урывками. Своему помощнику он доверял, но все же тот был еще молод: и предугадать, что может возникнуть на их пути, было трудно.

Капитан понимал, какая ответственность легла на его плечи: возглавить эскадру из ста двадцати разномастных судов, на которых покидали родину двести пятьдесят семь тысяч человек, не считая родителей, жен и детей многих офицеров, решивших разделить с ними их участь, не считая также судовых команд. Более трехсот тысяч!

Надо было также проявить заботу и о самых тихоходных судах, они, несомненно, будут отставать, а в непогоду, шторм могут и вовсе затеряться в море. Немалую угрозу эскадре представляли и подводные лодки, о которых его заранее предупредил вице-адмирал Кедров. Все это капитану «Генерала Корнилова» надо было учитывать, время от времени сбавлять скорость или даже совсем останавливаться, ожидая, пока отставшие суда вновь займут свои места в кильватерном строю.

Путь эскадры до Константинополя, по расчетам капитана, должен был занять приблизительно три дня. Врангель решил использовать это время для того, чтобы немного отдохнуть после всех бессонных дней и ночей во время вынужденной эвакуации, а затем, позже попытаться более подробно разобраться во всех мелочах случившегося. Это может уже в скором времени пригодиться. Он рассчитывал, что это ему удастся. Никакие дела его отвлекать не будут. На каждом большом или малом судне был назначен командир, который должен был гасить все мелкие недоразумения и конфликты, возникающие среди солдат и офицеров. Крупные неприятности пообещал разрешать генерал Кутепов, который, по сути, на время наход-

дения эскадры в пути командовал вместе с молодым энергичным вице-адмиралом Кедровым всей Русской армией.

По пути к себе в каюту Врангель снова задержался у трапа и, сняв фуражку, подставил облегченную от тяжелых дум голову последним лучам опускающегося в море солнцу.

Море завораживало его. Легкая зыбь дробила вечерние солнечные лучи на тысячи осколков. Он подумал, что последнее время он едва ли не каждый день то на катерах, то на маломерных судах носился по морю. Из Севастополя в Феодосию, в Керчь, в Ялту или в Евпаторию. А вот остановить свой взгляд, увидеть море, ощутить его величественную мощь и красоту все как-то не удавалось. Лишь сейчас вдруг понял, как много в этих бешеных хлопотах он потерял.

Возле Врангеля остановился вице-адмирал Кедров, но, заметив какую-то просветленность на лице Главнокомандующего, не стал нарушать тишину.

– На редкость был хороший день, Михаил Александрович. Я имею в виду погоду, – после длительного молчания сказал Врангель. Хотя подразумевал не только погоду.

– Последний привет уходящей осени, – ответил Кедров.

– Еще бы пару-тройку таких деньков, пока мы доплывем до Константинополя, – мечтательно произнес Врангель.

– В эту пору, ваше превосходительство, на такую природную милость уже надеяться не приходится. Опасаюсь, что со дня на день Черное море покажет нам свой черный характер, – не стал утешать Главнокомандующего Кедров. – Я накануне успел просмотреть в Морской библиотеке ноябрьские метеосводки за последние десять лет. Самый скверный и коварный, штормовой месяц... Но будем уповать на Господа!

Врангель ничего не ответил, лишь молча кивнул и стал неторопливо спускаться вниз.

На рассвете он услышал какую-то возню у каюты, приглушенные голоса. Ранние гости, видимо, не решались его будить и под дверью ожидали, когда он проснется.

Врангель накинул на плечи халат.

– Ну, что стоите под дверью? – окликнул он. – Входите!

В каюту вошли Кутепов и Кедров.

– Докладывайте! – сказал он вошедшим. – Я так понимаю, случилось что-то серьезное?

– Исчез тральщик «Язон», – недоуменно пожав плечами, сказал Кутепов.

– Как? При каких обстоятельствах?

– Его буксировал транспорт «Ельпидифор». На транспорте заметили его исчезновение, сообщили. Остановили эскадру. Подумали, может, оборвался трос. Подождали. А потом все же проверили. И оказалось, что буксировочный трос был просто обрублен.

– Может, все же оборвался? Бывает такое, – предположил Врангель.

– Нет-нет, обрублен. Топором.

– Ну, и что вы по этому поводу думаете?

– Следом за «Ельпидифором» следовал транспорт «Рион». Вахтенные слышали на «Язоне» короткую перестрелку. Спросили, что у них там случилось? Не ответили, – дополнил рассказ Кутепова Кедров. – Никто не заметил, когда он вышел из строя и сгинул в темноте. Я так думаю, они решили вернуться к большевикам. Предали Родину.

Врангель помолчал, осмысливая происшедшее.

– Ну, что ж... Ну, что ж... – задумчиво сказал он. Вспомнил картинку из этого же ряда, которую ему буквально вчера или позавчера рассказал генерал-лейтенант Иван Гаврилович Барбович.

Кажется, действие происходило в Ялте. Врангель это доподлинно не запомнил. Вся эвакуация из Крыма: из Керчи, Ялты, Феодосии, Евпатории запомнилась ему как нечто единое – бесконечные шеренги угрюмых солдат, движущиеся по сходням на миноносцы, транспорты, пароходы.

Транспорт «Крым» принял на борт наполовину разбитый махновскими повстанцами конный корпус Барбовича. Загрузились без всякой меры – и в трюмах, и на палубах не протолкнуться. Но солдаты и офицеры все прибывали. Предполагая, что уже больше никаких судов не будет, они с боем, дракой проникали на судно. И тогда капитан принял единственно правильное, хотя и жестокое, решение: он отшвартовался от причала и, ожидая команды на отплытие, бросил якорь в сотне саженях от берега.

Не успевшие пробиться на транспорт, они бродили по берегу и отчаянно переругивались с теми, кому повезло. С борта «Крыма» их успокаивали:

– Не теряйте надежды. К вам вышел еще корабль. Всех заберут.

И тут на пирсе сквозь толпу пробилась сухонькая седенькая старушка, эдакий божий одуванчик, и, сложив ладошки рупором, прокричала в сторону транспорта:

– Мишель! Мишель! Отзовись! Мне сказали, что ты там!..

Голос у старушки был слабый, и ее слова вряд ли долетали до теснящихся на палубе «Крыма» солдат.

– Эй, там, не берегу! Что там у вас? – спросили с транспорта.

– Сейчас доложим! – донеслось с берега. После чего несколько человек вступили со старушкой в переговоры, стали выяснять, кто такой Мишель и что ей от него надо. Разобрались. После этого самый голосистый выкрикнул с берега:

– Мадам Могилевская ищет своего сына, подпоручика Михаила Могилевского! Слышите? Подпоручика Могилевского! Ей сказали, что он служил в корпусе генерала Барбовича и вроде находится там, у вас!

– Поняли! – ответили с транспорта. – Просим мадам набраться терпения. На палубе его нет.

Може, в трюме? Понадобится время, чтоб его оттуда выковырнуть!

– Нам спешить некуда! – отозвались с транспорта.

И надолго все затихло. Берег ждал. Но с транспорта не поступало никаких известий.

На берегу тем временем кто-то добыл старый погнутый, побывавший в различных передрягах, судовой рупор. Его пронесли над головами всех толпящихся на причале и передали в руки старушке.

– Пардон, но зачем мне граммофон? – высокомерно спросила мадам Могилевская.

– Это рупор, мадам. С его помощью вы сможете поговорить со своим сыном, – объяснили ей.

Старушка вцепилась в рупор, поднесла его к губам, и над морской гладью разнесся ее старческий, но напористый, властный голос:

– Мишель! Сыночек! Я уже целый месяц тебя ищу! Я искала тебя в Александрове, в Аскании-Новой, на Перекопе, в Севастополе и в Феодосии...

– Мадам, ваш сын пока вас не слышит! – сказали ей с транспорта.

– Почему?

– Его ищут, но пока не нашли.

– Но он там?

– Говорят, есть такой! Но он где-то в трюме! – успокоили ее. – Но пока не смогли его извлечь! Теснота, мать ее! Но вы ждите! Мы стараемся!

– Бедный мальчик! – вздохнула мадам Могилевская в рупор: из рук она его не выпускала.

Наконец, на палубе транспорта произошло какое-то шевеление и до берега донеслось:

– Эй, на берегу! Говорите! Подпоручик Могилевский желает услышать голос мадам! Он не верит! Его мать тяжело больна и не может быть здесь! Подпоручик говорит, что еще совсем недавно она находилась дома, в Костроме!

Старушке объяснили. Она не без обиды подняла рупор:

– Мышка моя! Сыночек! Это я, твоя мама! Мне Вильгельм Францевич... Ты помнишь Вильгельма Францевича? Он сказал мне, что ты у генерала Барбовича! Я случайно с ним встретишься! Нет, не с Барбовичем, а с Вильгельмом Францевичем! Ты хорошо меня слышишь, Мышонок?

– Да, мама! Я напишу тебе письмо!

– Какое еще письмо?! – возмутилась мадам Могилевская, ее голос приобрел железную твердость и властность.

– Но я уезжаю, мама! Кажется, в Турцию! – донеслось с транспорта.

– Ты с ума сошел, Мишель! Какая еще Турция? А как же папа, а как же я? Ты не выдумывай глупостей! Папа сказал, чтобы ты немедленно возвращался домой!

– Но я не могу! – донесся унылый голос подпоручика.

– Папа тебя не поймет! Я тоже!

Наступила тишина. Молчал берег. Молчали на транспорте.

– Не заставляй меня сердиться, Мишель! – донеслось до подпоручика. – Сейчас же возвращайся! Я жду!

Подпоручик долго стоял в каком-то оцепенении. Затем вдруг резко развернулся в одну, потом в другую сторону, освобождая для себя в толпе некоторое пространство. И снова застыл и неотрывно глядел туда, на берег. Затем пружинисто перебросил ноги через металлический леер, ограждавший палубу, и «ласточкой» полетел в воду.

Ничего такого не ожидавшие от смирно переругивавшегося подпоручика с матушкой, офицеры и солдаты разом загомонили, задвигались. Темнолицый усатый крепыш-поручик выхватил у рядом стоявшего солдата карабин, передернул затвор, стал прицеливаться в плывущего в ледяной воде подпоручика.

– Ах, ты, гад!

И тут на плечо поручика легла чья-то ладонь. Он обернулся. Увидел стоящего перед ним командира сводного конного корпуса генерал-лейтенанта Барбовича.

– Иван Гаврилович? – лишь на мгновение отвлекся поручик. – Я его сейчас! Не сумлевайтесь!

– Не нужно, – сказал Барбович. – Верни карабин.

– Ну, как же... изменник Родины, гад!

– Мать – тоже Родина, – глухо сказал Барбович и, протиснувшись сквозь толпу своих конников, ушел в трюм.

Вспомнив этот случай с Барбовичем, Врангель коротко взглянул на Кедрова, затем на Кутепова.

– Они не предали Родину. Ее у нас уже нет, – тихо и с тоской сказал он.

– Пока – нет, – согласился Кутепов и, немного помолчав, с легким раздражением, глядя на Врангеля, спросил: – Вы, верно, устали, Петр Николаевич?

– Не люблю пустословия. Раньше надо было о Родине вспоминать. Там, под Каховкой. И в Крыму тоже!

– Вы словно в чем-то нас обвиняете! – проворчал Кутепов. – Не только я виноват в том, что мы потеряли Россию. Все мы. И я тоже. Поэтому я не в Париже и не в Лондоне, хотя мог бы туда уехать. Поэтому я вместе с армией. Это я и хотел сказать. А тех, на «Язоне», извините, я считаю предателями. Изменниками. И слово «Родина» – для меня не пустой звук.

«Началось. Бунт на корабле», – подумал Врангель, уловив эту напористость в тоне генерала. Никогда прежде он не позволял себе такого тона в общении с ним. И то сказать, кто он теперь? Какую страну представляет и он сам, и его армия? Не самое трудное было увести армию из России. Трудности начинаются только сейчас: сохранить ее, не растерять веру в то, что изгнание – это временно, что они еще вернутся на родную землю победителями. Без этой

веры армия скоро превратится в бесправный эмигрантский сброд, а его командующего будут считать авантюристом, которому приличные люди не станут подавать руку. Жалкий удел!

Врангель решил сделать вид, что не обратил внимания на тон Кутепова. В конце концов, он прав. Слово – тоже оружие. Особенно такое слово. Не зря мудрый Барбович поставил эти два слова рядом. Слово «Родина» в его высоком смысле имеет такой же вес, как и слово «мать». А тон? Вероятно, Кутепов провел бессонную ночь. Ему пришлось несколько раз объезжать на катере эскадру, разбираться в происшествиях, улаживать мелкие недоразумения и конфликты. Вряд ли это способствует хорошему настроению.

И Врангель подумал, что именно сейчас, еще в пути, когда у каждого покинувшего Родину гложет сердце горечь поражения, самое время вселить в них надежду и сообщить им о своем решении. Оно вскоре разлетится по всем большим и малым судам эскадры и на какое-то время придаст солдатам и офицерам его армии оптимизм и определит им ближайшую цель.

Но, с другой стороны, кто поверит ему сейчас, во время позорного бегства, что победное возвращение в Россию возможно? Он и сам еще твердо не знает, как вся эта его затея может состояться. Слишком много вопросов, на которые пока у него нет ответов. И все же он подумал, что сам, в одиночку, такую тяжелую ношу не осилит. После долгого молчания он коротко взглянул на Кедрова, перевел взгляд на Кутепова.

– Согласен, Родина для каждого из нас – весомое слово! – сказал он и почувствовал, что слишком уж патетически он начал, и несколько тише, но твердо продолжил: – Надеюсь, весной с Божьей помощью мы вернемся.

Какое-то время стояла тишина, каждый из генералов осмысливал сказанное Главкомандующим. Затем Кутепов поднял глаза на Врангеля и с печалью в голосе произнес:

– Похоже, что возврата у нас нет, Петр Николаевич. Сколько слагаемых должно совпасть, чтобы Господь помог нам и даровал успех! Переправляться обратно неначем: флот продан. Оружие, допустим, есть, но боеприпасов – кот наплакал, на один хороший бой. Надеяться на то, что дядя француз поможет? Не знаю. И большевики. Им эта передышка тоже на пользу. Сил-то у них поболее наших. Не осилим, – загибая пальцы, жестко перечислял Кутепов. И после короткой паузы проникновенно добавил: – А под турка идти ох как неохота!

– Это пока только мысль, – поняв, что ни у Кедрова, но у Кутепова его предложение не находит поддержки, Врангель уже мягче сказал: – Я с вами советуюсь. К этой операции надо подготовиться. Вот давайте вместе и подумаем.

– Я и излагаю то, о чем тоже уже подумал. Можно бы по суше, через Болгарию, Румынию, Молдовию. Только вот вопрос, пропустят ли они нас? – продолжал излагать свои опасения Кутепов: – Но даже если согласятся, мы не сможем скрыть наше передвижение от большевиков. И поэтому еще раз потерпим поражение, только там, на самой границе. Я уж не говорю о том, что мы живем взаимы, на чужом продовольствии. Согласятся ли французы кормить нас, пока мы выступим в новый поход?

– Не продолжайте, – остановил Кутепова Врангель. – Вы не открыли мне глаза, Александр Павлович. Я обо всем этом тоже думал. Поэтому и сказал, что надо подготовиться. Могу вам назвать к перечисленным вами еще много причин, по которым мы можем потерпеть поражение. Но не меньше и обнадеживающих. К примеру, той же Франции не очень уютно иметь неподалеку от себя голодную и непредсказуемую Советскую Россию. И не только Франции. Не сомневаюсь также, что и в большевистском лагере в самые короткие сроки возникнет мощное сопротивление. Но не будем обсуждать сейчас все это. У нас есть время. Немного, но достаточно, чтобы хорошо подготовиться и, по возможности, решить большую часть основных проблем. Мелкие с Божьей помощью сами отпадут. Но не следует делать скоропалительных выводов и решать все второпях, – с легкой досадой в голосе, давая тем самым знать, что больше не хочет слушать возражения, закончил Врангель и более мягко, но по-деловому спросил: – Ну, что там у нас еще?

– Больше ничего, заслуживающего вашего внимания, – в тон Врангелю так же мягко ответил Кутепов, но затем, вспомнив что-то, совсем уж потеплевшим голосом добавил: – Впрочем, есть прибавление в списочном составе армии.

Врангель поднял на Кутепова удивленные глаза.

– У генерала Слащева вечером родила жена, – пояснил Кутепов. – К счастью, на «Твери» нашлись медики, они приняли роды.

– Мальчик, девочка?

– Девочка.

– Он-то, поди, ждал мальчика?

– Девочка лучше, – сказал вице-адмирал Кедров. – Девочки остаются при родителях, а мальчики... мальчиков истребляют войны.

– У вас есть дети? – спросил Врангель.

Кедров поднял руку с растопыренными пальцами:

– Пятеро.

– Имеете право на такие суждения, – улыбнулся Врангель и добавил: – У Слащева теперь прибавится хлопот, меньше времени будет уделять склокам. Пожалуйста, поздравьте его от моего имени.

– На «Твери» Слащева никто не видел. Кто-то сказал, что он на «Илье Муромце». Так что, судя по всему, счастливый папаша еще не ведает о прибавлении семейства.

– По возможности, переправьте его на «Тверь»! – приказал Врангель.

Глава вторая

Эскадра двигалась медленно. Иногда крейсер ложился в дрейф, и все суда, следующие за ним, тоже останавливались, ожидая, пока их догонят и станут в строй отставшие. Затем крейсер снова трогался, и за ним, как утята за уткой, кильватерным строем двигались остальные суда.

Уже с самого начала стала сказываться нехватка продуктов питания и питьевой воды. Хлеб с первого дня стали выдавать по полфунта на человека и полкружки воды утром и в обед. На некоторых судах выдавали еще и по тарелке жидкого супа.

Были и запасливые беженцы, эти во время оставления города примкнули к мародерам. Они принесли с собой на суда немного различного съестного, главным образом муку, и теперь пытались превратить ее в нечто съедобное: размешивали ее с морской водой, вымешивали и, за неимением ни примусов, ни керосинок, пытались печь на горячих судовых трубах что-то вроде коржиков. Во всяком случае, с их помощью можно было хоть немного обмануть голод.

Офицеры принесли из разграбленного Севастополя вдоволь спиртного, в основном вино. А затем, пьяные, стали расхищать корабельные продовольственные погреба. Иные добрались и до корабельных винных запасов и, не покидая своих кают, тихо пьянствовали и играли «на интерес» в карты либо в который раз «перемывали кости» армейскому начальству.

Не миновала чаша сия и крейсер «Генерал Корнилов», на котором находились штаб Главнокомандующего, штаб Командующего флотом и другие службы, а также семьи некоторых офицеров и судовой команды. Днем третьих суток пути в длинной, как пенал, кают-компании собрались некоторые полевые командиры и штабные офицеры и, ожидая, когда к ним выйдет Главнокомандующий, стали обсуждать свое неопределенное будущее.

Старший адъютант Главнокомандующего Михаил Уваров доложил Врангелю о стихийном собрании.

Увидев его в проеме двери, они встали. Главнокомандующий обвел всех своим цепким взглядом. Шатилова, Кутепова и Кедрова он видел в последние недели много раз на дню, они сопровождали его во всех его поездках, вместе они решали кучу дел, связанных с эвакуацией армии. С иными в сумятице последних событий ему встречаться не доводилось, он лишь слышал об их успехах и поражениях. Того же командира Донского корпуса генерал-лейтенанта Федора Федоровича Абрамова он последний раз видел во время поездки к Чонгару в районе Джанкоя и Таганаша. Это было недели две назад, может, чуть больше, а кажется, прошла вечность – столько событий вместило в себя это короткое время. До Врангеля дошли слухи, что там, на Крымском перешейке, Абрамов был ранен.

Генерал-лейтенанта Михаила Архиповича Фостикова Врангель видел в Феодосии, во время размещения на судах Кубанского корпуса. Рядом с ним сидел и его «хвостик»: так называли его начальника штаба – полковника Туган-Барановского.

Кто тут еще?

Александр Васильевич Кривошеин, возглавлявший правительство при штабе Русской армии. В последние дни от избытка административного восторга он пытался решать даже те дела, которые не относились к его компетенции, за что получил от Врангеля нагоняй, который мало пошел ему на пользу. Но, человек по натуре мягкий, он не умел подолгу обижаться.

Рядом с Кривошеиным он увидел давнего своего сослуживца и еще более давнего товарища, действительного статского советника Николая Михайловича Котляревского. В мае Врангель послал его своим представителем в Софию, Белград, Киль и Париж. Котляревский оказался на редкость толковым, четким и исполнительным человеком, порученными ему делами он занимался, как своими собственными – и вскоре они ощутили это на фронте. Военные грузы пошли в стан Врангеля бесперебойно и, главное, своевременно. Вернулся Николай Михайло-

вич из командировки почти перед самой эвакуацией армии и был Врангелем тут же назначен своим личным секретарем.

Дружбой с Котляревским Врангель не мог не гордиться. В родословной Котляревских насчитывалось множество славных российских фамилий: Кузьмины-Караваевы, Барятинские, Дурново, Родзянко, Мусины-Пушкины, Шереметевы, Воронцовы-Дашковы, Шуваловы. Несколько предков Николая Михайловича вошли в вечность через литературу. Алексей Иванович Мусин-Пушкин открыл рукопись «Слова о полку Игореве», а другой предок – Иван Петрович Котляревский – был известен как сочинитель «Энеиды» и «Наталки-Полтавки», ставших классикой малороссийской словесности.

Николай Михайлович был единственным человеком среди блистающих погонами военных в партикулярном платье. Он сидел в дальнем углу стола и был почти не виден из-за массивной фигуры командира сводного конного корпуса Ивана Гавриловича Барбовича. В последних, уже крымских боях, его корпус изрядно потрепали, почти разгромили махновские повстанцы. Барбович был мрачен, он и сейчас все еще тяжело переживал эту свою неудачу, в которой до какой-то степени был сам виноват: поверил, что с нерегулярным войском, этими дядьками, мужиками, он легко справится. За свою самоуверенность он и был жестоко наказан.

Здесь же еще Врангель увидел сухонького жуира и весельчака – генерала Антона Васильевича Туркула и грузного казачьего генерала Вячеслава Григорьевича Науменко. Этих двух он не видел давно, еще с боев под Каховкой.

Были в кают-компании еще несколько человек, лица которых Врангель не мог вспомнить. Вероятно, это были командиры дивизий, назначенные Шатиловым вместо погибших в недавних боях.

– Добрый день, господа! – тихо сказал Врангель. – Прошу садиться!

Все разом сели.

Врангель высмотрел место во главе стола, предназначенное для командира крейсера, а сейчас его уступали ему. Но он прошел мимо, в глубь кают-компаний, и уселся на свободное место между Шатиловым и Барбовичем.

– О чем речь? – вновь, бегло оглядев всех, спросил Врангель.

– Обо всем понемногу. О жизни, – уклончиво ответил Науменко. – В том смысле: что было, что будет, чем сердце успокоится.

– Ну, и к чему пришли?

– Ни к чему. У каждого своя правда.

– Размышляем, ваше превосходительство, як так получилось, шо мы сейчас из дому бежим, а большевики в наших домах вино-водку пьют, – пояснил Науменко. – Пока убегали от большевиков, думать было некогда. А сейчас появилось время, и жутка обида нас взяла.

– Я тоже об этом думаю, – согласился Врангель.

– Вот! По всему так получается, что не должно бы такого быть, – прогудел своим низким голосом Барбович. – До Тулы дошли, до Москвы осталось два конных перехода. Это если без спешки, с ленцой. Что случилось? Кто и когда допустил ту самую главную ошибку, из-за которой мы, как те бездомные бродяги, по чужим огородам шастаем?

– Ну, и к чему пришли? – нахмурившись, попытался Врангель. Он понял, это стрела в его адрес.

– Нет вывода. Каждый в свою дудку дует. Вон Кривошеин, тот стоит на том, что виноват весь народ. Будто вся Россия, весь народ поднял руку на «помазанника Божия». За это, говорит, нам и послана кара небесная.

– Не переиначивай, я не так сказал, – покачал головой Кривошеин. – Я о чем? Если бы мы все... Ну, все наши вожди разом объявили, что ведут войну с большевиками ради того, чтобы в дальнейшем восстановить на престоле законного царя...

– Вспомнил! Расстреляли законного царя. А незаконного...

– Всем миром выберем. И станет он законным, – продолжил Кривошеин. – Михаил Романов тоже когда-то незаконным был, пока народ свою волю не изъявил. И сейчас бы так. Был бы царь – и народ поддержал бы нас. Пожили без царя, узнали теперь, почем фунт лиха. Особенно крестьяне. Они в нашем государстве – главная сила, всю страну кормят. А к ним бы и рабочие примкнули... Это я так, в порядке размышления.

– Позвольте не согласиться, – отозвался со своего места генерал Абрамов. – Крестьяне, взять, к примеру, тех же донцов, прошли школу мировой войны. И нахватались от родовой интеллигенции – офицеров, генералов – вдоволь зуботычин. Что в армии, что дома крестьянин всегда ощущал себя черной костью. Его во все времена унижали. И у него начала просыпаться своя гордость. Не-ет, он теперь уже не потерпит зуботычины. И не простит.

– Но вы-то, надеюсь, не применяли кулаки?

– Не надо переходить на личности, Александр Васильевич. Я знаю много вполне приличных офицеров и генералов. Но их, к сожалению, абсолютное меньшинство.

– Выводы! Выводы! – воскликнул Кривошеин.

– Выводы? – Абрамов немного помолчал, собираясь с мыслями. – В таком случае давайте заглянем в историю. Российский народ издревле был разделен на небольшую часть так называемой «белой кости» и на основную массу, относящуюся к «черной кости», которая в большинстве своем пребывала в дикости и необразованности. И еще. Она всегда была безрелигиозна и непатриотична. На протяжении столетий ни царская, ни императорская власть не попыталась восстановить этих людей в их гражданском и политическом достоинстве. Отсюда мораль: нас победила дикая и необразованная масса, в основе своей составляющая народ. Точнее, победила нищета, обида и злоба.

Абрамов обвел взглядом сидящих в кают-компании. Они безучастно, но внимательно вслушивались в спор. И он продолжил:

– Надо было провозгласить демократические лозунги. Да-да! Именно демократических преобразований ждал от нас народ!

– Эх, куда хватанули! Демократия! – вклинился в разговор начальник штаба Кубанского корпуса Туган-Барановский. – Да они не знают, что это такое и с чем ее едят. С мужиком надо было проще. Он земли ждал. А мы даже лозунг этот, про землю, отдали большевикам. И еще парочку. «Фабрики – рабочим!», «Мир – народам!». Большевики хорошо ими распорядились. И чем мы теперь, господа, будем народ завлекать?.. Молчите? То-то же!

– Запутались мы, братцы, в трех соснах, – вновь прозвучал мощный басок Барбовича. – Лозунги – слова. Кто-то бы им поверил, кто-то – нет. Слова сейчас обесценились, недорого стоят. А надо было делом! Вместо на Москву Антону Ивановичу тогда надо было на Царицын повернуть, соединиться с армией Колчака. Краснов бы с севера поднажал. Кладу голову на плаху, большевики бы не устояли. Или я не прав?

– Вы все сегодня правы, – наконец вступил в разговор Врангель. – Бунт начался в семнадцатом, даже несколько раньше. Народ, и верно, поднял руку на царя. А остановить его мы не сумели. Почему? Причин много. В том числе и те, которые вы упоминали. А дальше смута переросла в революцию.

– Это и есть главный вопрос: почему? – спросил Кутепов. – Почему мы, выпускники военных училищ, академий проиграли войну полуграмотным мужикам? Откуда у них появилось столько талантливых полководцев? В какой школе они получили военное образование?

– Эта школа – война. Я имею в виду Первую мировую, – продолжил Врангель. – Там получили выучку такие большевистские командиры, как Фрунзе, Буденный, Миронов, Жлоба, Мокроусов. Много их. Они оказались достойными учениками. Прямо с театра военных действий четырнадцатого они со своим ратным опытом вошли в русскую смуту семнадцатого и возглавили ее. Не будь Первой мировой, не было бы революции. И не только Россия, весь мир выглядел бы несколько по-иному.

Врангель смолк. Остальные тоже молчали, осмысливая сказанное.

– И все же, на мой взгляд, есть главная причина нашего поражения. Ее называл Туган-Барановский, но не слишком настойчиво. Я тоже не сразу понял, в чем вину с себя не снимаю, – вновь заговорил Врангель. – Меня еще до Крыма генерал Фостиков предупреждал: не устоим. И назвал причину. Даже тот мужик, который долго нам верил, стал уходить, дезертировать.

– Устал от войны, – подсказал кто-то.

– И это, – согласился Врангель. – Но не только. Надо было еще немного дровишек подбросить в эту топку. А я поздно понял.

– Какие дрова? Что еще можно было сделать?

– Решить земельный вопрос. Вы меня теперь в чем хотите убеждайте, но победил-то нас – прав генерал Абрамов – простой российский мужик. Он – главная сила в нашей огромной стране. Как была она крестьянской, так и будет до скончания веков. На нем вся наша жизнь держится. Он всю Россию кормит, а сам из века в век впроголодь живет. Перестал он нам верить. А в германо-русской войне в кои-то веки мужик получил в полное свое ведение оружие. Вот и повернул его против нас.

– Раньше бы это понять, когда в Таврии бои шли! – поддержал Врангеля Фостиков. – Надо было начать раздавать землю. Без выкупа. Всем поровну, по количеству едоков.

– Это вы, Михаил Архипович, большевистских листовок начитались, – сказал Барбович. – Им мужик тоже не верит. Слишком долго его обманывали.

– И я о том же, Иван Гаврилович! Большевики – листовками, а мы бы – делом. Такая агитация быстро разлетелась бы по всей России и как-то могла повлиять.

После длительного молчания Врангель сказал со вздохом:

– Что толку в нашем позднем прозрении? Большевики у себя дома, а мы – в море. И нет у нас под ногами ни метра земной тверди. Не о том говорим. Сейчас нам надо думать, как жить дальше. Дело не в нас с вами. Нас примут к себе союзники. У кого-то где-то там, в чужеземье, есть какая-нибудь родня, знакомые. Помогут. Но мы несем ответственность больше чем за четверть миллиона человек наших соотечественников, которые плывут вместе с нами.

– И за Россию, – добавил Кутепов.

– И за Россию, – согласился Врангель. – Вот тот вопрос, который нам с вами необходимо уже в ближайшие дни решать, – он немного помедлил, ожидая реакции слушателей. Но стояла глухая напряженная тишина. И он продолжил: – Я тут с некоторыми генералами советовался. Они тоже в чем-то сомневаются, но, кажется, разделяют мое решение.

– Разделяем, разделяем, – отозвался со своего места Кутепов.

– А решение такое: уже весной будущего года надо возвращаться домой. Мы оставили Россию большевикам на разорение. В этом наша беда и наша вина. Будем ее искупать. Вот об этом нам с вами надо размышлять. Я убежден: возвращение возможно, – и уточнил: – Победное возвращение.

Врангель с тоской подумал, что сейчас снова начнется тот же самый пустой разговор, котрый произошел накануне с Кутеповым и Кедровым: о проданном флоте, о нехватке боеприпасов и еще о многом другом, о чем он знал сейчас ровно столько же, сколько и все они. Что в таком разговоре толку? Поэтому сказал:

– Оно возможно лишь в том случае, если хорошо подготовиться. И, пожалуйста, не будем начинать этот разговор сегодня. У нас мало необходимых сведений. Все, что нам нужно знать, узнаем на берегу, в Турции.

После этих слов Врангеля разговор стал постепенно иссякать. Говорить о том, что могло бы быть, но не сбылось, стало скучно, а о том, что будет – бессмысленно. С полчаса еще поговорили о чем-то несущественном. О нехватке на судах продуктов питания и воды говорить избегали. Знали: в море им никто ничем не поможет, надо терпеть до Константинополя.

С наступлением сумерек крейсер сбавил скорость и затем лег в дрейф, поджидая отставших.

Гости воспользовались этой остановкой, и катер Главнокомандующего развез их по своим кораблям.

Котляревского Врангель попросил остаться. Они поднялись к нему в каюту, и вскоре капитанский вестовой принес им поднос с чаем и различной сдобой, которую ухитрился выпекать кок на корабельном камбузе.

– Я рад, что вы вернулись, что вы – с нами, – заботливо усаживая Котляревского в кресло возле круглого резного столика, сказал Врангель и пожаловался: – Устаю от пустопорожних разговоров вроде нашего сегодняшнего: что могло бы быть, но не сбылось.

– Не уверен, что вы правы, Петр Николаевич, – сказал Котляревский. – Самое время проанализировать то, что произошло. Если не нам с вами, то тем, кто придет нам на смену, это может пригодиться. Во всяком случае, это поможет им избежать многих ошибок.

– Только не сейчас, – качнул головой Врангель. – Я об этом думал. Но – нет, не сейчас. Еще свежи ушибы и раны. Для этого наступит другое время. Когда чуть утихнет боль.

– Тогда все уйдет в давность, покроется патиной времени. Исчезнут из памяти мелочи, детали. А ведь зачастую причины кроются именно в них, в этих самых мелочах.

– Понимаю. Я и сам, когда остаюсь наедине, часто мучаю себя вопросами: что могло бы быть, но не сбылось? Почему? Где я ошибся?.. Надоело! Пусть пока другие сушат голову по этому поводу.

– Другие не знают того, что знаете вы. Они не знают, почему вы поступили так, а не иначе.

– Ну и пусть! – упрямо повторил Врангель. – Мне было бы даже интересно когда-нибудь прочесть, как будущие историки оценят нынешние события. Если власть так и останется за большевиками, мы – злодеи, и все наши поступки оценят как кровавые, злодейские. Ну, а если мы все же, надеюсь, вернем себе Россию, те же самые историки напишут о жалкой кучке бандитов, которые почему-то называли себя большевиками. Нет одной правды. Их, как минимум, две, а то и больше.

В каюте было прохладно. Они обнимали ладонями горячие подстаканники, и им казалось, что тепло кипятка постепенно перетекало в их тела.

– А если говорить серьезно, Николай Михайлович, я пришел к неутешительному выводу: это я во всем виноват, – сказал вдруг Врангель. – Да-да! Я сам!

– Та-ак! – Котляревский удивленно посмотрел на Врангеля и даже растерянно поставил на столик стакан: – Надеюсь, вы это иносказательно?

Врангель не ответил.

– Если иносказательно, тут я вас понимаю. Полководец, проигравший сражение, уже потому виноват, что он его проиграл. Весь спрос с него. Никто не станет вникать слишком глубоко. Скажем, кто-то несвоевременно подвез боеприпасы, где-то задержался транспорт, и с опозданием подошло подкрепление, неудачной оказалась позиция, и прочее, и прочее. Десятки разных причин. Кому какое до всего этого дело? Судят по результату.

– Все намного сложнее, чем вы себе это представили. На полководца работают все армейские службы, от разведки, артиллерии, саперов до топографов и метеорологов. Полководец получает все необходимые ему данные. Он знает все, что только он хочет знать. Все, до мелочей. Именно поэтому его уму, его таланту, интуиции доверяют тысячи и тысячи людей.

– Врангель поднялся с кресла и, со стаканом в руках, стал медленно ходить по каюте.

– Как все просто: меня вооружили всеми необходимыми знаниями, и теперь только от меня, от моего таланта зависит и жизнь людей, и исход операции. Так ведь?

– Пожалуй, – согласился Котляревский. – Объективно, так.

– Слушайте дальше! Кто-то недостаточно точно проанализировал возникшую на данный момент ситуацию. Он был молодым и неопытным, или опытным, но у него болела голова, он

поругался с женой или он куда-то торопился. Но в результате я получил полуправдивую информацию. Другая служба. Ее сотрудник пощадил меня и несколько смягчил огорчительную для меня информацию. Он сделал это из самых добрых ко мне побуждений. И я, полководец, опять же, владею не точной информацией, а слегка искаженной, а то и просто неправдивой. А я ведь ей верю, я опираюсь на эту полуправду. Я окружен ею, я живу в ней. Я по этой полуправде делаю выводы и принимаю важные для судеб людей решения. Так вот!

– Ну, и какой же выход? – растерянно спросил Котляревский.

– Выход? А его нет. Один я не в силах проконтролировать всю поступающую ко мне информацию. Я обязан, обречен верить всем, честным и нечестным, добросовестным и не очень, льстецам и откровенным негодяям, всем, кто мне ее поставляет. Как видите, неудача полководца – это не только его неудача. Порою он меньше всего в ней виновен.

– Печальная картина, – сказал Котляревский. – Я представлял себе ее несколько иначе.

За стенами каюты поначалу едва слышно, но постепенно все громче тонко запел ветер: задул легкий норд-ост. Он принес с собой низкие дождевые облака. И вскоре по палубе застучала снежная крупка, которая чуть позже перешла в дождь.

– И опять невезение, – взглянув в иллюминатор, тоскливо вздохнул Врангель.

– Вы о чем? – спросил Котляревский.

– О погоде. Как видите, даже на нее нельзя рассчитывать. Я все же надеялся, что погода будет нам благоприятствовать. Но даже она, похоже, нас обманула, – глядя в иллюминатор, сказал Врангель.

– Ну, что ж! Пожалуй, мне пора откланяться! – поднялся из-за столика Котляревский.

– А то оставайтесь! Койка для вас есть. Постельное белье чистое. Дождь, судя по всему, будет затяжной.

– Но на «Кагуле» будут беспокоиться.

– Предупредим телеграфом.

К полуночи между палубными надстройками во всю, по-разбойничьи, сердито засвистел ветер. Спустя какое-то время по броне крейсера, словно молотом, ударила тяжелая волна... Еще... И еще... Крейсер стал плавно крениться то в одну, то в другую сторону. Даже каюта тоже подала признаки жизни: в ней что-то заскрипело, застонало, мелко зазвенело стекло.

Врангель поднялся со своей койки, снова подошел к иллюминатору и с трудом разглядел за ним раскачивающийся палубный фонарь, сквозь свет которого проносились косые потоки дождя. Больше ничего не было видно.

«Черное море еще покажет нам свой черный характер», – вспомнил Врангель слова адмирала Кедрова, сказанные им, едва эскадра покинула Севастополь.

Предсказание адмирала сбывалось.

Врангель долго нервно ходил по каюте. К нему никто не приходил. Михаила Уварова он отпустил еще засветло, и он, вероятно, спал у себя в судовой каютке. Уваров любил поспать. Это был, пожалуй, единственный его недостаток, с которым Врангель уже давно смирился.

В проблесках света от раскачивающегося фонаря, пробивающегося в каюту, Врангель заметил, что Котляревский лежит с открытыми глазами.

– Не спится? – спросил он.

– Думаю.

– О чем, позвольте узнать?

– Все о том же: об ответственности человека за тех людей, которые вручили ему свою судьбу. Я имею в виду полководцев. Вы всколыхнули в моей душе воспоминания о дальних и близких предках. У меня в роду было много полководцев. Мой дед часто рассказывал мне о своем деде – Петре Степановиче Котляревском, генерале от инфантерии и кавалере трех степеней ордена Святого Георгия. Так часто и так образно рассказывал, что мой далекий предок мне стал часто сниться. Я его словно воочию видел. Да-да, я наяву вижу его среди дыма

пожарищ. Он стоит на берегу бурной грузинской реки Аракс. Предстоит опасная переправа. И он, подбадривая своих подчиненных, говорит: «Сколь ни отважным кажется предприятие мое, но польза, честь и слава от меня того требуют, и я надеюсь на помощь Бога, всегда поборающего русскому оружию». При взятии Ленкорани Петра Степановича отыскивали изувеченным и обезображенным. Уволенный из армии, «в язвах чести» (по выражению Пушкина), он тихо жил в уединении. С началом Персидской войны император Александр Первый вспомнил об отважном генерале и предложил ему командовать войсками. Прапрадед отказался. Незадолго до смерти он встретился с императором. Он открыл перед ним особую шкатулку и вынул оттуда сорок косточек, которые извлекли из его головы. «Вот причина, почему я не принял назначение Вашего Императорского Величества, – сказал он. – После Ленкоранского штурма я уже не смог служить Вам до гроба, Ваше Императорское Величество, Вашему Престолу и Отечеству. Это кости, которые вынули из моей головы после Ленкоранского штурма. Пусть они останутся Вам на память о моих страданиях».

– Такими предками вы можете гордиться, – сказал Врангель. – Но к чему вы вспомнили эту историю?

– К тому, что я горжусь своими предками, – улыбнулся Котляревский. – А вспомнилась она мне совершенно случайно.

– Нет-нет, – не согласился Врангель. – Что-то вы хотели мне этим сказать.

– В принципе, из каждой житейской истории можно извлечь полезный для себя совет.

– Помилуйте, Николай Михайлович, ничего такого не приходит в голову. Подскажите.

– Мой раненый изувеченный прапрадед боялся, что император сочтет его трусом. И много лет, почти до самой смерти, жил надеждой, что когда-нибудь он лично изложит причину своего неповиновения. Это хорошая история о силе человеческого духа. К вам она, как мне кажется, не имеет никакого отношения. Разве что... Я много лет знаю вас. А сегодня с трудом узнал. У вас потухли глаза. Что, разуверились в себе?

– Помнится, кто-то сказал: «И у героев тоже есть предел». Я обращался к правительствам нескольких государств с просьбой хотя бы на время приютить мою армию. Ни одного ответа.

– Но Франция...

– Она тоже промолчала. Пока, правда, договорилась с Турцией о предоставлении нам временного пристанища. Но надолго ли? А ведь армию надо не только разместить, но и прокормить. А это примерно четверть миллиона человек. Я отдал им весь находящийся в моем распоряжении Российский флот. Но твердого обещания о дальнейшей помощи даже от «верных» союзников-французов я пока так и не получил. Вот уж сколько времени совещаются, консультируются. А я выгляжу собакой, которую выгнали со двора. Они что, хотят поставить меня на колени? Хотят, чтобы я преданно заглядывал им в глаза? Этого не будет!

– Ну, вот! Теперь я вижу того Врангеля, которого знал все эти годы! – оживившись, воскликнул Котляревский. – Такой Врангель способен на решительные поступки. Ваши подчиненные ждут их от вас. Поймите, Петр Николаевич, для них сейчас имеют значение не только ваши слова, но даже интонация, взгляд. За вашей спиной не только солдаты и офицеры, но и женщины, старики, дети. Сегодня там, в кают-компаниях, вы об этом, кажется, забыли.

– Спасибо за эти слова, Николай Михайлович. Они были мне, действительно, очень нужны, – тихо и проникновенно сказал Врангель, взгляд его потеплел.

– Вы еще молоды, Петр Николаевич. И кто знает, какие еще подвиги предстоит вам свершить... Кстати, спасение армии – это тоже подвиг, который останется в анналах истории.

– Во всяком случае, я сделал то, что было в моих силах и в моем понимании о чести.

– Вот и славно, – мягко поддержал Врангеля Котляревский. – Вот все и встало на свои места. А хорошие новости, они не за горами. Они придут не сегодня, так завтра.

– Вы полагаете?

– Я знаю. Я там, во Франции, разговаривал со многими правительственными чиновниками, они симпатизируют нам. – И, немного помолчав, он добавил: – Я уверен, к весне и уж как крайность к лету вы вновь обретете Родину. Смута сама по себе сойдет на нет.

– Почему вы так думаете?

– Я – историк и знаю не только историю России. Назовите мне примеры, когда бунтовщики удержали бы власть. Булавин, Разин, Пугачев? Ах, да! Вы назовете мне Парижскую коммуну? Но она продержалась всего лишь семьдесят два дня, и все закончилось плахой. То же самое будет и у нас. Ну, может, не семьдесят дней, может, сто или двести. Просто наш российский бунт вовлек в свою орбиту намного большее количество людей. Не сбрасывайте со счетов и наши российские просторы. Чтобы удержать на них власть, нужны мыслящие люди, управленцы, интеллигенция. А они все на нашей стороне. Если же кто и остался у Советов, они не симпатизируют новой власти. Нет-нет, несколько месяцев – и государство Советов рухнет. Оно не сможет нормально функционировать, поскольку его управлением должны заниматься иные люди, а не те, кто умеет хорошо стрелять.

Врангель вопросительно посмотрел на Котляревского:

– Я размышлял примерно так же. Но как я понял, вы убеждены, что все произойдет само собой. И что же остается мне? По-вашему выходит, что мое стремление сохранить армию не имеет большого смысла?

– Напротив. Именно вы начнете освобождение России от бунтовщиков. И поверьте, когда власть Советов начнет рушиться изнутри, ваше возвращение будет не столь трудным и кровавым. Вам достанутся полицейские функции.

– Ах, если бы все случилось так, как вы предсказываете! – вздохнул Врангель. – Хотя примерно таким и я представлял себе наше возвращение.

– А иначе и быть не может, – утешил его Котляревский. – Но давайте спать. Все проблемы мы все равно не обсудим. Будет все так, как должно быть!

Они забрались в свои постели, укутались одеялами.

Тонко свистел и уныло завывал в корабельных снастях и надстройках свирепый ветер. Крейсер мерно раскачивался, потоки воды обрушивались на его нижнюю палубу и с пенным шумом низвергались по бронированной обшивке вниз, в море.

– Хотел бы я знать, что принесет нам завтрашний день? – удобнее укладываясь, сказал Врангель. – Похоже, Черное море решило показать нам свой скверный характер.

Котляревский не ответил.

Врангель еще немного поворочался, повздыхал и тоже уснул.

Глава третья

– Сыпал снег буланому под ноги,

С моря дул холодный ветерок.

Ехал казак дальнею дорогой,

Завернул погреться в хуторок...

Врангель проснулся и довольно долго вслушивался в завывание ветра. А потом в звуки непогоды вдруг вплелась эта песня. Голос был молодой, чистый, но звучал он тягуче, печально.

Было еще сумеречно. Но небо уже посветлело. Шторм продолжался с прежней силой.

– Встренула хозяйка молодая,

Как встречает родная семья...

– Чего горло здесь дерешь! – прервал пение властный, с хрипотцой, голос, вероятно, вахтенного.

– А что, нельзя?

– Здесь нельзя! Иди вниз, там надрывайся сколь хочешь!

– А мне здесь сподручнее.

– Дура! Тут их превосходительство почивают! А ну как разбудишь...

Удаляясь, прозвучали гулкие шаги – сначала по палубе, потом по металлическому трапу. Стихли голоса.

Врангель с легкой досадой пожалел, что так и не узнал, что же дальше случилось с тем казаком в незнакомом ему хуторке.

Котляревский поворожался, что-то промычал во сне и с головой укутался одеялом.

Врангель тихо оделся и вышел на палубу.

Дождь кончился, но ветер дул холодный, порывистый. Море было темное, неприветливое. Тяжелые, отливающие холодным блеском волны медленно надвигались на крейсер и шумно дробились о его бронированные борта.

Крейсер лежал в дрейфе.

Врангель прошел в капитанскую рубку, капитан сидя курил. При виде Врангеля поднялся.

– Доброе утро, – мрачно поздоровался Врангель.

– Не сказал бы, – не согласился капитан и погасил в пепельнице папиросу. – Здравствуйте, ваше превосходительство!

– Что нового у нас?

– Ничего хорошего. Еще с ночи собираем до кучи эскадру. Раскидало по морю. Часть керченских плыли черт знает на чем. На такой посуде в пруду и то плавать опасно. Начали тонуть. Пришлось спасать людей, пересаживать. А всю эту мелочевку – баркасы, парусники, самоходки – пришлось затопить. Семь корыт.

– Это все?

– Еще потерялся эсминец «Живой». Тоже ночью. Шел на буксире у «Херсона», оборвался трос. И вот уже третий час ищем. Катера, тральщики задействовали. Пока ничего утешительного.

– Может, как на «Язоне», трос топором? – спросил Врангель.

– Нет-нет. Перетерся и оборвался. Никаких сомнений. Да и то сказать: новых тросов скольких годов не получали. Старьем пользуемся.

Вскоре из серых утренних сумерек вынырнул катер Главнокомандующего. Он зашел к крейсеру с подветренной стороны. Матросы проворно его закрепили, подтянули к нижней палубе, помогли генералу Кутепову и адмиралу Кедрову подняться на борт крейсера.

Врангель пошел им навстречу.

Кедров стал докладывать о ночных происшествиях, в частности, об эсминце «Живом».

Еще во время загрузки судов капитан первого ранга Потемкин выразил Кедрову сомнение, что старый эсминец вряд ли выдержит переход до Константинополя. Особенно, если, неровен час, начнутся штормы.

Но времени на ремонт уже не было. И надеяться тоже уже было не на что. «Живого» загрузили, как и остальные суда, сверх всякой меры – двести пятьдесят человек, главным образом казаков и офицеров Донского корпуса. Перестраховываясь, решили, что «Живой» пойдет не своим ходом, а его будет буксировать мощный транспорт «Херсон». Учли, казалось бы, все. Забыли или не успели проверить только буксировочный трос. На «Живом» он был старый, состоящий из нескольких кусков.

Заканчивая свой доклад, Кедров сказал:

– Полагаю и надеюсь, что «Живой» своим ходом придет в Константинополь. Если же погибнет, осознавая свою вину, готов предстать перед военным судом.

– Ну, о суде, буде такая угроза над вами повиснет, поговорим потом, – насупился Врангель. – Что можно предпринять еще сейчас?

– Думаю, мы исчерпали время на поиски. Сейчас мы уже рискуем всей эскадрой.

– Вы имеете в виду большевистские подводные лодки?

– Не только. Но и их тоже.

Врангель вопросительно посмотрел на Кутепова, но тот промолчал.

– Ну, что ж... – не дождавшись ответа Кутепова, тихо сказал он. – Будем надеяться, Господь не обойдет их своею милостью.

Кедров прошел к рубке, сказал стоящему у двери и ожидающему дальнейших указаний капитану:

– С Богом!

Капитан ушел в рубку, звякнул судовой телеграф. Тотчас заработали судовые двигатели и крейсер, набирая скорость, стал резать носом набегающую на него и все еще крутую волну.

Врангель обернулся, посмотрел назад. Из рваной серой утренней мороси за «Генералом Корниловым» тянулась вся эскадра. Друг за дружкой тянулись миноносцы и крейсера, броненосцы и ледоколы, транспорты, пароходы и плавучие мастерские. Шла в этом кильватерном строю даже подводная лодка с диковинным для черноморских судов именем «Тюлень».

Серьезных потерь до самого Константинополя эскадра больше не претерпела, кроме разве что грустных приключений самоходной баржи «Хриси». Во время посадки солдат и офицеров она находилась в ялтинском порту, но как на судно на нее никто не обращал никакого внимания. Но когда все суда уже были загружены, а на берегу еще оставалось большое количество боящихся плена солдат, взгляд генерала Драценко упал на эту старую плоскодонную посудину. После небольших препирательств с владельцем и одновременно капитаном баржи греком Паскуриди Драценко усадил на «Хриси» всех остававшихся на берегу.

Два дня она шла вместе со всей эскадрой, а на третью ночь, когда начался шторм, она, как и эсминец «Живой», исчезла. Но ее с трудом нашли. И выяснилось: оторвавшись в темноте от эскадры, она держала путь строго на Одессу. Решили, что Паскуриди хотел вернуться к большевикам. Оказавшийся на борту «Хриси» генерал-лейтенант Римский-Корсаков свершил скорый суд и приказал Паскуриди расстрелять.

После того как мертвое тело Паскуриди оказалось за бортом выяснилось, что грек ни в чем не был виноват. Во время погрузки солдат и офицеров на баржу кто-то поставил неподалеку от руля два «максима» и еще кучу какого-то железа. Пока погода благоприятствовала эскадре, все шли в едином строю, не особо обращая внимания на некоторые погрешности в показаниях компаса. В ночь, когда разыгрался шторм, Паскуриди вдруг не обнаружил поблизости кораблей. Что делать? Он был опытный мореход, много раз вдоль и поперек избороздил Черное море и был уверен, что сумеет самостоятельно привести баржу в Константинополь. Он только не догадывался, что его компас врет.

Когда «Хриси» обнаружили, она уверенно шла на Одессу. А причину, почему врал компас, выяснили уже тогда, когда Паскуриди не было в живых.

Из-за нехватки продовольствия и пресной воды эскадру постигла еще одна беда. Люди ели селедку, которой было вдосталь, и запивали морской водой. И уже через сутки всю эскадру поразила желудочная болезнь. Многие не успевали добежать до судового галюна и испражнялись прямо на палубе. Все трюмы тоже были загажены. К этой напасти, когда заштормило, добавилась еще одна напасть: морская болезнь. Большинство эвакуированных с трудом могли передвигаться и рвотными массами заливали каюты. Повсюду на эскадре стоял невыносимый смрад.

Во время доклада Врангелю Кутепов объяснил, что Крым всегда страдал из-за нехватки продовольствия. Ко времени исхода армии из Крыма местные жители разграбили почти все продовольственные склады и припрятали все, что можно было припрятать. И то количество продуктов, на которое рассчитывали, снабженцам добыть просто не удалось.

– Ну, а вода? Уж питьевой водой могли запастись вдоволь, – мрачно сказал Врангель.

– Питьевой водой не запаслись по другой, но тоже уважительной причине.

И Кутепов объяснил, что в последние часы эвакуации возникла нешуточная дилемма: или взять вдоволь воды и оставить на берегу часть людей, или обойтись самой малостью воды, но не оставить противнику ни одного человека из тех, кто изъявил желание эвакуироваться. Решение на всех судах принимали в пользу людей: путь до Константинополя казался не таким уж дальним и недостаток воды можно будет перетерпеть.

– Я тоже стоял на этом. Еще сутки-двое – и, даст Бог, мы сойдем на берег, – закончил свой доклад Кутепов.

– Будем надеяться, – бесцветным голосом согласился Врангель. И что-то вспомнив, спросил: – Слащева-то отыскали?

– Да. Доставили на «Тверь».

– Ну, и как он воспринял прибавление семейства?

– Молча. Правда, спросил: «Надеюсь, мальчик?» Ему сказали, что девочка. Больше он не проронил ни слова.

– Поздравили? Я имею в виду, от моего имени?

– Да, конечно, ваше превосходительство. Но он никак не отреагировал. Видимо, всё же расстроился из-за девочки.

– Ничего, он и девочку вымуштрует в своем духе. Он это умеет, – Врангель скупно улыбнулся. – Свою жену, «юнкера Нечволодову», вон как отмуштровал. Я сам видел, как она саблей орудует. Двух казаков за пояс заткнет. В бою всегда рядом с ним! – и, кивнув, он молча пошел по палубе.

Слащева новость о том, что Нина родила, и верно, огорошила. По всем их подсчетам, ребенок должен был родиться не раньше чем через месяц. И по поводу пола ребенка она тоже обманулась: по всем бабьим признакам и поверьям выходило, что должен родиться мальчик.

В тихие минуты Слащев иногда думал о будущем мальчика и представлял себе такого сорванца, с такими же рыжими вихрами, какие были у него в детстве, и с вечно разбитыми и испарпаннными коленками.

Старый денщик Пантелей откуда-то узнал, что к жене на «Тверь» наконец-то прибывает Яков Александрович, и поторопился на нижнюю палубу его встречать. Увидел его еще издали по его странному одеянию. Ментик он потерял или оставил где-то на «Илье Муромце» и сейчас стоял в расшитом шнурами красном доломане.

Слащев тоже увидел Пантелея и даже не сразу его узнал. Он стоял возле трапа, сильно похудевший, со впалыми щеками, с жеваным морщинистым лицом. Отступление, эвакуация и его зацепили своим черным крылом. Соблюдая устав, старик сколько возможно вытянулся и радостно «ел» глазами своего подопечного.

– Здрав желаю, ваш дитство! – во всю мощь своего старческого голоса гаркнул он и закашлялся. Откашлявшись, уже тише, с легким упреком, сказал: – Заждались, как жа! Три дни носа не кажете. И Нина Николавна...

Слащев, хлопнув ладонью денщика по плечу, оборвал его упреки:

– Здравствуй, старый греховодник! И не причитай! Я уже все знаю.

– А одежда – срамota! Одели б свое, генеральское.

– Веди молча! И не болтай! Разжалую!

На «Твери» было, как и на «Илье Муромце», все загажено, заплевано, стоял удушающий смрад. И повсюду, на палубах и в узких коридорах, сидели и лежали эвакуированные военные и гражданские, родственники военных и родственники членов пароходной команды. Лица почти у всех были изможденные и зеленые от недоедания, морской болезни и тесноты. Теснота была такая, что, прежде чем переставить ногу, надо было предупредить того, кто сидел или лежал, чтобы он на мгновение слегка потеснился.

Старый Пантелей семенил впереди, время от времени предупреждая слегка покрикивал: «Посторонись!» и вопреки приказу Слащева идти молча, иногда оборачивался и докладывал домашние новости:

– Сперва на «Руси» в трюме поместили. Нина Николавна зачала задыхаться. Я им сказал: Яков Лександрыч прибудет, всех вас постреляет. Спужались. На «Тверь» перевели, тут лучшее, тут у нас каюта, и в окошко море видать. А для меня поблизости каютерку определили.

Они поднялись по железной винтовой лестнице в коридор верхней палубы, пошли по нему.

Здесь было немного чище, хотя и здесь была теснота, и от голода и морской болезни страдающих тоже было предостаточно. Они сидели и лежали вдоль стенок кают, образовав узкий проход.

Им навстречу шла дородная дама в горностаевой накидке, ведя на поводке белую пушистую крошечную собачку. Не доходя до них, собачка обнаружила что-то для себя интересное, но дама дернула ее за поводок и строго сказала:

– Зизи, не смей!

Пропуская даму, они отступили к стене. Собачка, проходя мимо Слащева, вдруг встала на задние лапы и, привычно что-то выпрашивая, радостно залаяла.

– Зизи, как не стыдно! Прекрати! – снова прикрикнула на собачку дама и, удивленно разглядывая странное одеяние Слащева, сказала: – Зизи очень любит военных. Мой муж – тоже генерал.

– Здравствуйте! Очень приятно, – учтиво поклонился Слащев, и они разошлись. Когда дама с собачкой удалилась, Пантелей сообщил:

– Графиня Соболевская. Наши соседи. Занимают каюту капитана «Твери».

– Завидуешь?

– Жалею генерала.

Пошли дальше. Пантелей в который раз обернулся:

– А какая красивая, ваш дитство. Верите – нет, я как первый раз ее увидел...

– Ты про собачку?

– Та ну вас! Я про дите. Ну, чистый ангелочек!

– Девка?

– Ага. Девонька. Махонька, волосики рыженьки, а глаза, ну, прям, як... – на мгновение он смолк, не сразу найдя сравнение. – Знаете, прям як у нашего филина Яшки.

– Что? Опять со всех севастопольских свалок живность насобирали? – сердито нахмурился Слащев.

– Та не! Только наших старых вывез: кота Барона и филина Яшку, – стал оправдываться Пантелей. – Но они не в каюти. Они при мне, в каптерки.

– То-то же! А то еще какуюнибудь заразу занесут, – сердито вразумил Пантелея Слащев.

Возле двери одной из кают Пантелей остановился. Из-за двери донесся тихий детский плач.

– Тут они, – пальцем указал на дверь Пантелей.

Слащев резко распахнул дверь и увидел склонившуюся над картонной коробкой, заменяющей колыбельку, Нину. Она подняла голову, и Слащев не сразу узнал ее: худая, осунувшаяся, с синими кругами вокруг глаз. Увидев Якова Александровича, она посветлела лицом, хотела броситься к нему, но он опередил ее и строго спросил:

– Почему дите плачет?

Иначе представляла себе Нина эту встречу. Она поникла головой и растерянно ответила:

– Молока нету.

– Как это – нету? А сиськи?

– Пустая грудь. Третьи сутки на хлебе и воде. И того не вдоволь. Откуда ж оно возьмется молоко, Яша?

– Так! Все ясно! – решительно сказал Слащев, и Нина поняла, что он тотчас же уйдет, чтобы что-то где-то добыть: молока ли, хлеба. Он был человек действия.

Нина опередила его:

– Хоть подойди до дитяти, поздоровайся. Твоя она. На всю жизнь, до смерти твоей, твоя.

– Девка, – сказал он с некоторым укором.

– Девочка, – Нина заметно ошетибилась. – Ну и что?

– Ну и ничего, – он шагнул к Нине и широко заулыбался. – Я рад, что девка! Я хотел девку, – он обнял ее. И она, кутая голову в полы его френча, вдруг заплакала. В голос. Громко.

– Ну, ты чего? Ты чего? – стал растерянно бормотать он.

– Я боялась, – всхлипывая, она подняла на него глаза. – Ты ведь мальчишку хотел.

– Не имело значения, – и, встав на носки и лишь слегка позванивая шпорами, он осторожно подошел к колыбельке. Заглянул в нее.

И крохотная девчушка, до этого мгновения обессиленно хныкавшая, словно ощутила этот святой момент встречи с тем, кто дал ей жизнь. Она вдруг смолкла и уставилась на Слащева своими чистыми голубовато-серыми глазами. И долго, не мигая, на него смотрела.

– Смотри! Узнала! – прошептала Нина. – Правда, она узнала тебя.

– Что ж тут! Моя кровь. Это мы только сейчас встретились, а так... я ж давно ее люблю, – косноязычно и растерянно шептал Слащев и, подняв на Нину глаза, спросил: – Так, говоришь, молоко?

– Да где ж ты его тут, среди моря, найдешь! Хоть чего бы ни то! До Константинополя бы не померла! А там...

Слащев понял. Он решительно рванул дверь каюты и увидел Пантелея: тот, видимо, подслушивал встречу хозяина с хозяйкой.

– Стой здесь! Охраняй! – приказал Пантелею Слащев.

– Вы бы энто... людей не пугали. Скинули б заграничное. Я вашу одежду... На крючочке висит.

Слащев неожиданно послушался Пантелея. Он торопливо и сердито переоделся и вышел.

Спустившись вниз, на нижнюю палубу, он стал пробираться по тесно заполненному чихающими, кашляющими и стонущими людьми узкому длинному коридору. В большинстве своем это были солдаты. Они сидели под стенками, вытянув в проход ноги: единственная поза, позволявшая в корабельной скученности хоть немного отдохнуть. Совсем обессиленные от недоедания и морской болезни, засыпая, они сползали по стене вниз и, перегораживая коридор, укладывались на полу, прижимая к себе карабины. Через таких приходилось осторожно переступать.

Слащев вглядывался в усталые обреченные лица, выискивая, к кому бы можно было обратиться если не за помощью, то хотя бы за советом.

Но люди сидели с закрытыми глазами. Они не спали, а забывались в полудреме. В таком состоянии лучше коротается время: оно движется быстрее, и желудок не так тревожит голодной сосущей болью.

Среди этих дремлющих, ко всему безразличных людей Слащев выделил смугловатого мужчину. Он не спал и даже с некоторым удивлением и любопытством рассматривал нивесть как оказавшегося здесь, в трюме, седого генерала.

– Не подскажите, нет ли здесь, среди беженцев, врачей? – спросил у него Слащев.

– Раненый? – отозвался мужчина.

Если бы на месте Слащева здесь, на «Твери», оказался Кольцов, Красильников или, на худой конец, даже Жихарев, они бы узнали этого солдата. Это был Андрей Лагода. Тот самый Лагода, который совсем недавно был приговорен «тройкой» феоdosийских чекистов к смерти и был расстрелян, но чудом выжил. Затем несколько суток пробыл в плену у бандита Жихарева и был внезапно освобожден группой Кольцова. Как оказался Лагода на крейсере «Генерал Корнилов», а потом на «Твери» не знал никто, кроме начальника Особого отдела ВЧК Менжинского.

Во время бегства армии Врангеля из Крыма Менжинский резонно подумал, что на этом война, во всяком случае, для чекистов, еще не закончилась, и очень скоро многих высших должностных лиц будет интересоваться, что происходит там, в белогвардейском лагере. И за ответом обратятся к нему. Поэтому он решил заранее подстраховаться.

Лагода был один из тех, кого в те дни вспомнил Менжинский. Его рекомендовал ему Кольцов: он хорошо знал Андрея Лагоду, и его рекомендация дорогого стоила. У Лагоды была подходящая биография. Несмотря на чрезвычайную занятость Менжинский несколько раз встречался с ним, подолгу беседовал и, поверив в него, предложил ему немного задержаться и поработать на ВЧК. Для этого Андрей должен был прибиться к отступающим белогвардейцам, прижиться среди них и стараться ничем не выделяться, не возбуждать к себе ничей интерес.

Менжинский знал: в этой эвакуационной неразберихе и сумятице солдаты легко переходили из одного воинского подразделения в другое, не вызывая никаких подозрений. Иногда это были беглецы из плена, но чаще всего после разгрома их воинских частей они приставали к первой встречной уцелевшей, и их тут же ставили на котловое довольствие, редко интересуясь, кто они и как здесь оказались. Было не до того.

У Андрея не стерлись из памяти эти несколько встреч с Менжинским. Он не сразу согласился на его предложение. Прошло слишком мало времени, и еще не затянулась рана на сердце от той смертельной (в прямом смысле) обиды, которую нанесли ему крымские чекисты – подчиненные Белы Куна и Розалии Землячки. Менжинский обо всем этом знал и сказал Андрею, что тех, кто тогда в Крыму зверствовал, уже нет на свете.

– Про Зотова я знаю, – сказал Лагода. – Только я так понимаю, он не один там такой был.

– Разбираемся. Все получают по заслугам, – пообещал Менжинский.

Лагода долго сидел молча, и по его лицу было видно, как он ворочает в голове тяжелые, как булыжники, мысли. Наконец он со вздохом подвел итог своим размышлениям:

– Я так понимаю, шо для меня война ще не кончилась, – и, не ожидая ответа, спросил: – И шо я там, у тех турков, делать буду?

– Будете нашими глазами и ушами во вражеском стане.

– Вроде шпиона? – скупой улыбнулся Андрей.

– Называйте это как вам больше нравится, суть не в слове, – ответил Менжинский. – Но нам надо, больше того – крайне необходимо, знать, что будет происходить с белогвардейской армией дальше? Останется ли она в Турции или передислоцируется куда-то в иное место? Разбредется по свету или сохранится как воинская единица? Наконец, что собирается предпринять Врангель в ближайшем будущем?

– Ну, это Врангель мне вряд ли доложит.

– Его намерения очень скоро перестанут быть тайной. Вы их узнаете в то же самое время, что и остальные солдаты, а при осторожности, желании и некотором ненавязчивом любопытстве – даже несколько раньше. А мы узнаем это от вас. И не только это. Время от времени вы будете сообщать нам все, что покажется вам заслуживающим нашего внимания.

– И как это будет выглядеть? Я там, в Турции, а вы тут, в Крыму чи в Москве.

Менжинский пропустил вопрос мимо ушей и продолжил:

– И вот еще что, это очень важно. Постарайтесь оказаться в составе солдат именно Первого армейского корпуса. Он самый большой в армии Врангеля, и все манипуляции с ним нас будут интересовать в первую очередь.

– Слыхал. Есть такой корпус. Командует генерал Кутепов. Слухи про генерала ходят разные. Одни говорят, шо хороший командир, понимающий, не гнобит солдат, а другие, наоборот, рассказывают, шо злобный, часто кулаки в ход пускает.

– Ну, вам-то, как я понимаю, вряд ли придется с ним общаться.

– Это понятно, – согласился Андрей и продолжил выяснять свое: – Но, допустим, я шо-то услышал чи узнал. И как я все это вам передам?

– В нужное время с вами свяжется наш человек.

– А как я его узнаю?

– Резонный вопрос. Вам скажут пароль. По нему и узнаете.

– Прямо як в романах про шпионов, – сказал Андрей и с легкой ироничной улыбкой добавил: – Ну и ну!

– Еще вопросы? – Менжинский нахмурился, ему показалось, что Лагода уж слишком легкомысленно относится к его словам. – Нет вопросов.

– Их много. У вас времени не хватит, щоб все мне разобъяснить. Так шо не будем переливать из пустого в порожнее, так у нас на Украине говорить. Как-то справлюсь.

– И, пожалуйста, не ищите нашего человека, не пытайтесь вычислить. Если вы ему понадобитесь, он сам вас найдет.

– А шо, может такое быть, шо и не понадобится? – удивленно спросил Лагода.

– Все может быть. Мы ведь не знаем, как будут развиваться события. К тому же он какое-то время понаблюдает за вами. Решит, что вы слишком легкомысленны для такой опасной работы и откажется от встречи.

Лагода понял, что несколько заигрался, и уже серьезно сказал:

– Извините, если шо не так. Но вы поймите меня: в дурном сне мне не могло присниться, шо я – херсонский парубок – когда-нибудь стану красным шпионом.

– Положим, вы им еще не стали. Но чистосердечно вам скажу: это редкая профессия, она – для настоящих мужчин. Постарайтесь не разочаровать меня. Ну, и своего протеже Кольцова тоже. – И Менжинский снова продолжил: – С того дня как наш человек с вами встретится, вы поступаете в его полное распоряжение. Собственно, больше мне сказать вам нечего. Надеюсь, вам все понятно?

– На первый взгляд задачка нехитрая. А как на деле окажется, не знаю. Обещаю только одно: постараюсь такое доверие оправдать, – уже серьезно и даже проникновенно сказал Лагода и встал. Но на прощание все же спросил: – А надолго это... не знаю, как назвать... эта командировка? Надоела война. Домой хочется.

– Может быть, месяц. А возможно, и год. Но вы будете постоянно находиться в поле нашего зрения. И я обещаю вам, что при первом же удобном случае или даже по вашей просьбе мы тут же вас отзовем.

На этом они попрощались.

И вот спустя всего лишь несколько дней, вдали от родной земли, на корабле, плывущем в Турцию, он рассматривал взволнованного генерала. Может быть, это он и есть, тот самый, который ищет его. А что это генерал, он для себя легко объяснил. Лагода знал случаи, когда белые офицеры и даже генералы втайне сочувствовали Советской России. Может быть, и он – из таких?

Но – нет! Похоже, у генерала случилось что-то серьезное, какое-то горе, и он нуждается в помощи.

– Если у вас кто-то раненый, могу предложить медпакет, – сказал ему Андрей.

– Нет-нет, спасибо, – генерал тронулся дальше, но вдруг остановился, с отчаяньем объяснил: – Ребенок родился. Три дня всего. Молоко бы найти, – и спросил: – У вас есть дети?

– Сын. Только без меня родился. – И со вздохом Андрей добавил: – Не довелось увидеть.

– Сочувствую вам, – сказал Слащев и пошел дальше.

В конце коридора, в тупике, он увидел нескольких солдат и женщин. Они окружили молоденького священника, который что-то рассказывал. Его увлеченно слушали.

– ...И что вы думаете, пошел он по морю, аки посуху.

– Расступилось море? – ахнула одна из женщин.

– Нет. Просто пошел по воде. Пошел, как мы с вами, к примеру, по суше ходим.

– Чудо какое-то!

– А чудо это от твердости веры. Вот если твердо поверишь в то, что у тебя не море, а твердь – и свершится чудо. Только сперва в Самого поверь! А то мы ждем чуда, как яблочка на блюдечке. Нет, так не бывает.

Слащев немного послушал священника, а затем обратился к нему:

– Великодушно извините, отче, что вклиниваюсь в вашу беседу. Совет нужен. А может быть, и помощь.

В трудные минуты, загнанные обстоятельствами в угол, люди охотнее отзываются на чужую беду, чем в спокойное сытое время. Смолк священник, и слушатели его тоже не прогневались, с некоторым любопытством и сочувствием уставились на стоящего перед ними растерянного человека, генерала. По тону, с которым он к ним обратился, люди поняли: у человека беда.

– Слушаю вас, мил человек.

– Такое дело! Жена только родила, а молока нет. В груди нет молока. Ребенок может помереть с голоду! Обессилел, кричать не может, только тихонько стонет, – изложил свою беду Слащев и с отчаяньем добавил: – Хоть немного бы молока! Хоть стакан!

Ему не ответили. Опустив глаза, молчали. Наконец поднялся священник, взял его за руку и с сочувствием, тихо и ласково сказал:

– Боюсь, никто вам не поможет. Если кто чем и запасся, то, скорее всего, хлебом.

– Нужно молоко! – твердо сказал Слащев. – Всего три дня девочке. Неужели ничего нельзя придумать? Ну, не молоко, так что-то подобное?

Священник понял: с находящимся в таком возбужденном состоянии человеком бессмысленно вести разговоры. Он не воспринимает сейчас никаких утешений. Он не слышит сейчас ничего, кроме того, что хочет услышать.

– Где вас искать? – спросил священник. – Точнее, где находится мама с ребенком?

– На второй палубе. Там вам скажут. – После чего Слащев закричал: – Но она не может ждать! Она может умереть!..

Слащев еще никогда в жизни, даже в самые трудные военные минуты, не испытывал такого отчаянья. Он понял лишь одно: все они, каждый по-своему, находились почти в таком же безнадежном положении. Чем помогут они ему? Советом? Но ему не нужны советы. Ему нужно молоко.

И, не говоря больше ни слова, он свернул в другой коридор, пошел по нему. Шел, не глядя себе под ноги. Здесь было так же многолюдно и тесно. Видя этого, как сомнамбула, бредущего человека, они невольно поджимались, подбирали под себя ноги.

Слащев шел, походя и беспечно пытаясь открыть попадавшиеся на его пути железные двери. Почти все они были заперты. Но одна вдруг поддалась, открылась. И он вошел в тесное сумеречное помещение. Крошечный иллюминатор почти не впускал сюда дневного света, поэтому горел фонарь.

Слащев увидел пожилого лысого человека с седыми вислыми усами. Похоже, он был из паровой обслуги, скорее всего, из механиков. Стоя у верстака, он точил напильником какую-то зажатую в тиски железку.

Сам не зная почему, Слащев присел на железный стул у верстака. Механик нисколько не удивился, лишь мельком взглянул на своего гостя и продолжил работу.

Спустя какое-то время механик вдруг пожаловался:

– Запчастей никаких. Машина в край износилась. На Божьей помощи идем. А ну как остановимся? Кто поможет?

Слащев выслушал механика и в свою очередь пожаловался:

– И у меня тоже... дочка помирает.

Механик отложил в сторону напильник, внимательно поглядел на Слащева, спросил:

– Болеет, что ли?

– Нет. Только родилась. Только три дня на свете пожила – и помирает.

– Так отчего же? Ей еще жить и жить.

– Молока, понимаешь, у жены нет. С голоду дите помирает. До Константинополя бы как-нибудь. Там больница, врачи. Там молока хоть залейся.

– До Константинополя тут всего ничего. Суток двое, не больше, – попытался утешить его механик.

– Для нее это целая вечность. В ней той жизни, как у воробья. Помрет.

– Ну что ты все заладил: помрет, помрет! – сердито проворчал механик. – Ты ж не один в море. Среди людей.

– Я тут одним рассказал. Посочувствовали, – что-то сдвинулось в голове Слащева: стало отступать отчаяние, прояснялись мысли. – Что еще можно? Море кругом. И все голодные.

– Люди все могут!

Механик присел на соседний стул, и они так долго сидели молча. Слащев понял, что ничего больше он здесь не высидит, поднялся.

– Ты куда? – спросил механик.

– Не знаю, – откровенно ответил Слащев.

– Посиди.

– Некогда. Дочка помирает.

– Не мешай! Я думаю.

Через какое-то время он сказал:

– Капусты бы кочан. Или яблок с десяток. У моей бабы, когда третьего родила, тоже молока не стало. От нервов, что ли. Так моя мать ей капустные листья к груди прикладывала. Или яблоки в кашу перетолочь, и тоже.

– Помогло? – поднял глаза на механика Слащев.

– Девятый год пацану.

– Ну да. Это, если от нервов. А от голода?

Механик задумался, потом решительно встал:

– Пошли.

Они долго шли по длинному трюмному лабиринту, заполненному голодными и больными людьми. В каком-то закутке механик остановился. В тусклом свете Слащев увидел одетую в ватные одежды старуху, и возле нее такой же, тепло укутанный, ватный сверток, из глубины которого виднелись только два любопытных глаза. Старуха сидела прямо на железном полу, вытянув в проход ноги, руку держала на свертке.

– Ну, здравствуй! Как пацан?

– А че ему скоится! Отогрелся, хлеб сосеть, чтой-то свое бормочет, – отозвалась старуха.

– Тебя звать-то как? Мужика твоего знаю, а с тобой не познакомился.

– Авдотья, – ответила старуха и насторожилась: – А че?

– Дите тут у ихней жены помирает. Третий день от роду.

– От болести? – коротко спросила старуха.

– Молока у барышни нету, с голоду. Что присоветуешь?

Старуха немного помолчала.

– С самых родов молока нету?

Механик вопросительно взглянул на Слащева.

– С самых родов, – ответил Слащев. – Третьи сутки девочке. Голодная. Сил плакать нет.

– Скверно! – изрекла старуха и, подумав, добавила: – Сахарю бы где достали. В води его распустить, пущай сосеть. Можно хлебушка нажевать и тоже подсластить. Энто не спасение, но какое-сь время ще проживет.

– А дальше что, Авдотья? – взмолился Слащев. – Помоги. Век не забуду.

– А мне ничо не надо. Смогла бы, рази отказала б? – И, немного подумав, добавила: – У меня молоко отошло аккурат в вакуацию. Дня четыре назад. Мне б чего горяченького вдоволь поесть, да с хлебушком, може, и возвернулось бы. У меня его много было, на землю сцеживать приходилось.

– Идем! – тронул Слащева за рукав механик. – До капитана идем, до Анисима Михайловича. Он добрый, чем-то поделится.

И уже через час Авдотья в камбузе хлебала флотские щи. Сняв с себя все теплое, она оказалась совсем не старухой, а статной светловолосой женщиной лет тридцати.

Механик, Слащев и молоденький кок сидели напротив Авдотьи и смотрели, как она жадно ест. Ее распеленатый малыш лежал рядом с ней на скамейке, что-то сам себе говорил и, поднимая ногу, пытался дотянуть ее до рта.

– Ты – с хлебушком, с хлебушком, оно сытнее! – участливо подсказывал пароходный кок, подсовывая Авдотье новые куски хлеба.

Но Авдотья ела все медленнее, ленивее и наконец, облизав ложку, отложила ее в сторону.

– Ты вот что! – сказал кок. – Ты часок походи и возвращайся. Не стесняйся. Я тебе еще макароны по-флотски. Мужик у тебя, слышал я, тоже флотский?

– Он – на «Кагуле». При машине. Ему не до нас. У их там начальствие плывет, строгости.

– Хоть знает, что ты при эскадре?

– Сообчала. А передали ай нет – не знаю. Може, думает, у большевиков осталась.

– Ну, и сидела бы дома, в тепле да сытости. Большевики тебя вряд ли бы тронули, – сказал механик. – А как солнышко бы пригрело, мы тут как тут.

– Энто хто ж тебе такое напроорочив?

– Своим умом дошел. Вот и их превосходительство скажут, – он указал глазами на Слащева. – Как же не вернемся? Нас же тут не десять человек, не сто – тыщи. Почитай, пол-России. Как же она без нас?

– Все одно, – упрямо сказала Авдотья. – Вместях Рассею покинули, вместях и возвратимся. А так-то: один тама, другой – здесь. Нешто можно не по Святому Писанию? – покачала она головой и рассудливо разъяснила: – Куды голка, туды й нитка. Так в Библии прописано.

– Мы ж не надолго. На месяц-два. Горячее бы встретились, – добавил кок.

– Не, не по-христиански так-то. Нельзя.

Когда Слащев собрался уходить к себе наверх, кок налил в металлический судок щей, отрезал увесистый ломоть от буханки.

– Отнесите своей жинке, извините, не знаю как вас величать.

– Да-да, забыл представиться. Слащев.

– Как – Слащев? Тот самый? – удивленно переспросил кок.

– А что, есть еще другой?

– Яков Александрович? – кок смотрел на Слащева широко открытыми глазами, в них светилось восхищение. – Сколько раз слышал!

– Полагаю, ничего хорошего?

– Наоборот! Не знаю, как там у вас, промеж начальства, а промеж солдат... да что вы! Только самые лучшие слова! Как вы под оркестр в атаку ходили, и другое разное!

– Спасибо на добром слове. И за это, – Слащев указал глазами на судок и завернутый в тряпицу хлеб. – Это сейчас для меня дорогого стоит.

– Та чего там, ваше превосходительство! Прокормим до Константинополя. Будем надеяться, и дите ваше выживет, станет вам утехой в старости. Я вам для дочки еще сахарку отсыплю.

Он открыл шкафчик и совком насыпал в кулечек сахару. Подумал и подсыпал еще.

Загруженный всем этим добром, Слащев направился к двери камбуза.

– Еще пару слов, ваше превосходительство! – остановил его кок, сияющий от нахлынувшего на него восторга.

Слащев обернулся.

– Я что еще хочу сказать! Мы хоть и в море, хоть и расплевались с большевиками, а все равно – Россия. И если не истребим друг дружку, то снова к себе вернемся. Ну, может, не мы, так хоть наши дети. И Авдотын сын, и ваша дочка. Без нас, без наших детей Россия, как бы это сказать, не в полном комплекте. Или я что-то не так понимаю? Вот вы, в высоком генеральском звании, все изучили, про все знаете, скажите, – правильно я мыслю своими камбузными мозгами?

– Тебя как звать? – спросил Слащев.

– Семеном нарекли.

– У тебя, Семен, государственное мышление. Ты, верно, стихи пишешь?

– Пробовал. Пока не получается. Грамотешки, говорят, не хватает.

– Продолжай писать! Грамотность – дело наживное. У тебя получится.

– Вы думаете?

– Уверен.

– Вы на главный мой вопрос не ответили: что там, в верхах, про все это думают? Вернемся обратно? А то, знаете, у меня под Херсоном немощные родители. И брат, под Каховкой ранетый. Тоже в помощи нуждается. Вот я и гадаю, как все будет? Вернемся или не вернемся?

– Непростой вопрос. Не хочу обманывать. Скажу тебе так: вернемся мы или не вернемся, а Россия есть и будет. Ты ждал другого ответа? Его у меня нет, – и Слащев покинул камбуз.

Вернувшись в каюту, Слащев хотел поставить на узкий столик судок со щами и, к своему изумлению, заметил, что едва не весь столик завален свертками, кулками и кулечками. Из них

выглядывали картофелины и луковицы, яблоки и морковины, рассыпной сахар и голубоватый кусковой рафинад, краюхи хлеба и белые сухарики, которые еще несколько дней назад были булочками. Чуть отдельно на расстеленной холстине лежал даже небольшой кусочек сала.

– Что это? Откуда? – удивленно спросил Слащев.

– Люди принесли, – ответила Нина и затем уточнила: – Сперва что-то принес судовой священник, назвался отцом Антонием.

– Молодой священник?

– Лет двадцать пять, может, чуть больше. И другие тоже что-то принесли. Я отбивалась, говорила: нам столько не надо. А они молча ставили и уходили.

Слащев вспомнил сегодняшний разговор в камбузе. Вот и ответ: где еще есть такая страна, где люди, голодая, делятся последним?

– Кормила чем-нибудь?

– Сахар расколотила, и из пипетки, как котенка. Глотала.

Слащев прошел к картонной коробке, склонился над дочерью. Девочка спала.

– Может, все же продержимся до Константинополя, – с надеждой сказал он.

– Боюсь, – ответила Нина. – Ей молоко нужно.

– Будем надеяться на лучшее. Даст Бог, продержимся два дня на жвачке и сиропе. Всего два дня.

Ночью в каюту кто-то настойчиво постучал.

Слащев вскочил с койки, зажег лампу и открыл дверь. На пороге стояла Авдотья.

– Входи! – обрадованно сказал он. Чуть было сразу же не спросил, как она себя чувствует, не пошло ли молоко. Но по ее деловому виду догадался: то, на что он надеялся, случилось.

Слащев стал молча наблюдать за Авдотьей.

Она же села на стул и стала расстегивать тесный жакет. Нина удивленно смотрела на незнакомую женщину и постепенно начинала догадываться.

– Отвернитесь! Бо ослепнете! – грубо прикрикнула она на Слащева.

Слащев послушно стал лицом к стенке и даже почему-то закрыл глаза. Теперь он лишь слышал звук расстегиваемых пуговиц, шелест одежды, затем хлюпанье воды.

– Ну, давайте маленьку! – приказала Авдотья уже Нине. И после того как Нина передала ребенка, Авдотья радостно запричитала: – Ой, яка ж краси-ивенька! Ну, чистый ангелочек!

Авдотья приложила ребенка к груди, и девочка жадно впилась в нее губами.

Слащев прожил большую жизнь, слышал чарующую музыку и много разных волшебных звуков, но таких... Ребенок чмокал, сопел, сосал, захлебывался, откашливался и снова тихо, с урчанием, сосал.

Нина Николаевна стояла возле Авдотьи и с благоговением наблюдала за кормлением своего ребенка. Первым кормлением.

А Слащев, по-прежнему стоя лицом к стене, вслушивался в эти божественные звуки, и по его обветренной щеке медленно стекала предательская слеза. Этот суровый человек, боевой генерал, прошедший все войны, которые выпали на его век, впервые за долгие годы не смог сдержать свои чувства...

Глава четвертая

До турецких берегов оставалось всего ничего, несколько часов пути. Шторм прекратился так же внезапно, как и начался, оставив на море лишь легкую зыбь и теплый слабый ветер.

Как предвестницы близкого берега, над растянувшейся эскадрой появились сварливые чайки. Они носились высоко над мачтами, обещая хорошую погоду.

Занималось утро, когда со стороны Турции из серой рассветной дымки возник тяжелый французский корабль «Вальдек Руссо». Он быстро приближался и, сделав крутой маневр, пришвартовался к «Генералу Корнилову».

Предупрежденный капитаном, Врангель спустился вниз, чтобы встретить гостей. На борту «Вальдека Руссо» к нему прибыл давно и хорошо знакомый Командующий морской дивизией Леванта контр-адмирал Дюмениль и Верховный комиссар Франции граф де Мартель. С ними также находился неизменный переводчик адмирала месье Сорбье.

– Здравствуйтесь, генерал! – помахал Врангелю адмирал Дюмениль. – Извините, плохо дали вам спать.

Сорбье улыбнулся неуклюжему русскому адмиралу и перевел точнее:

– Господин адмирал извиняется, что своим ранним визитом они с комиссаром нарушили утренний сон.

– У меня бессонница, – буркнул Врангель. – Скажите, пусть поднимаются на борт.

– Они предлагают пройти к нам. У нас уже готов утренний кофе.

– Благодарю.

Врангель обернулся. За его спиной стоял адъютант Михаил Уваров. Он, вероятно, даже не успел умыться и сонными глазами смотрел на Врангеля, ожидая распоряжений.

– Микки, с таким выражением лица не ходят в гости. Идите досыпайте. Вы мне пока не понадобятся.

Врангель, поддерживаемый двумя французскими матросами, перешел на «Вальдек Руссо». Здесь его подхватил под руку адмирал Дюмениль, стал что-то говорить ему по-французски.

– Господин адмирал и комиссар рады приветствовать вас и вашу армию в Турции. Да-да, это уже турецкие воды.

– Правда? – улыбнулся Врангель. – А вода ничем не отличается от русской.

– У вас хороший юмор, – сказал Сорбье. – Это не я сказал. Это отметил господин комиссар. Они поздравляют вас с завершением очень тяжелого этапа в вашей жизни.

– Вот уж с чем не следует поздравлять. Лучше выразить соболезнование. Во всяком случае, я чувствую себя словно на похоронах.

– Вас можно понять, – перевел слова адмирала Сорбье. – Но господину адмиралу больше нравится другое русское выражение...

– Есчо не увечер, – по-русски произнес Дюмениль.

– Только на это я и надеюсь, – согласился Врангель.

Они вошли в салон, где их ждал весь накрахмаленный белоснежный кок и похожие на модных манекенов два юных стюарда.

– Виски, коньяк, водка? – спросил комиссар.

– Насколько я помню, французы начинают утро с кофе, – поморщился Врангель.

– Но мы чтим русские традиции.

– У русских нет такой традиции. Это болезнь, которая передается из поколения в поколение.

– Она неизлечима?

– Отчего же? Вполне излечима. Достатком. Которого в России, к сожалению, почти никогда не было.

Они уселись за стол. Стюарды молниеносно поставили перед ними подносы с кофе, круасанами и джемом и незаметно исчезли.

Какое-то время все четверо молча завтракали. Затем Врангель поднял глаза на комиссара Мартеля:

– Вы, кажется, только из Франции? Поделитесь новостями.

– Я так понимаю, вас больше всего интересуют новости, касающиеся вас и вашей армии? Не далее как три дня назад я доверительно разговаривал с министром иностранных дел господином Барту. Он изложил мне позицию французского правительства по поводу всех последних наших событий.

– Интересно послушать.

– Никаких сюрпризов. Все в пределах прежде оговоренного, – развел руками Мартель: – Франция оказывает вам и вашей армии, ваше превосходительство, всю возможную помощь. Но... но время несколько изменилось. Франция, как вам известно, была вынуждена признать де-факто советское правительство. Это, конечно, вынужденная формальность. Но... следовательно, и наша помощь вам должна соответствовать этой договоренности. Внешне не столь явной..

Мартель говорил четко, словно читал заранее написанное. Вероятно, он готовился к этой встрече с Врангелем и уже неоднократно прорепетировал свою речь.

– И что бы это значило? – спросил Врангель.

– Для вас ровным счетом ничего. Для нас... для нас: быть крайне осторожными во всех своих действиях.

– Слишком туманно, – сказал Врангель. – Давайте только несколько уточним наши общие позиции. Прежде всего, я хотел бы знать, все ли лица, эвакуированные вместе со мной из Крыма, поступают под покровительство Французской Республики?

– Вне сомнений, – поспешно согласился комиссар. – И все же хотелось бы еще раз уточнить, что вы, ваше превосходительство, под этим подразумеваете?

– Мы с вами там, в Крыму, все это уже однажды оговаривали. Но мне нетрудно повторить, – настойчиво сказал Врангель. – Ну, прежде всего, необходимо всех русских эвакуированных, как военных, так и гражданских, обеспечить пищей и кровом, всем раненым и больным оказать медицинскую помощь.

– Это не подлежит сомнению, – согласился комиссар.

– Далее, – продолжил Врангель и на мгновение смолк.

Во время последних боев и позже, при погрузке армии на корабли, он об этом не особенно задумывался. Но в эти безрадостные и тягостные дни плавания по Черному морю, оставаясь наедине, Врангель стал все больше и больше задумываться не только том, как сохранит в неприкосновенности свои воинские подразделения, но и как соберет в единый кулак разбросанное по зарубежью российское воинство. Весною с удвоенными силами он снова вернется на Российскую землю, но уже победителем. Эта мечта грела его душу. Он верил, что это возможно, хотя и требовало невероятных физических и нравственных усилий. Ибо потрясения, которые уже перенесла армия, бесславно покидая родную землю, были ужасны, неизвестность непредсказуема, лишения непереносимы. Но он надеялся, что пройдет короткое время, и он возродит армию в ее лучшем виде, способную вернуть России – ту Россию, которую они покинули.

– Далее, – повторил Врангель. – Надеюсь, никто не станет вмешиваться в фактический строй армии и в ее воинскую дисциплину.

– Это ваша прерогатива, и на нее, как я понимаю, никто не собирается посягать, – успокоил Врангеля комиссар.

– Я о том, что ни моя армия, ни ее командование не должны оказаться в зависимости от какой бы то ни было политической или общественной организации.

Комиссар ничего не сказал Врангелю о последних напутственных ему словах министра иностранных дел Барту: нынешняя Российская армия больше никому не нужна. Она должна незаметно раствориться. Как это ни прискорбно, но возникла новая, и отнюдь не слабая страна, Советская, большевистская Россия, и этот факт в мировом раскладе, хочешь – не хочешь, придется учитывать.

– Да-да, – рассеянно сказал комиссар Мартель, все еще размышляя о разговоре с министром Барту.

– Отсылаю вашу память к новороссийским событиям, – продолжил Врангель. – Разница между Новороссийском и Крымом в том, что на этот раз нам удалось избежать бесславного поражения. Не хочу и не имею права допустить, чтобы нас теперь не только лишили надежды на будущее, но и втоптали в грязь память о понесенных армией кровавых жертвах.

– Но ваши подвиги, равно как и ваши жертвы, никто не собирается умалять, – вклинился в разговор адмирал Дюмениль.

– Моя цель – не только сохранить физическую жизнь людей, но и в условиях изгнания вновь возродить русскую армию.

«Ну-ну, посмотрим, господин генерал, как это у вас получится», – подумал комиссар. Он вспомнил о не таких уж давних печальных событиях, касающихся русской армии. Во время мировой войны против немцев в составе французской армии воевали четыре русские бригады, что-то около сорока тысяч человек. По окончании войны всех русских решили отправить на родину, на укрепление армии Деникина. Но у какой-то части солдат и офицеров к тому времени уже возникли иные планы: кто-то стремился попасть в стан большевиков, кто-то просто устал от войны, а кто-то уже прижился на чужбине. В Россию вернулись лишь пятнадцать тысяч, двадцать пять испарились в пути. Армию Деникина пополнили всего лишь четыре тысячи.

«Боюсь, такая же участь постигнет и вашу армию, господин генерал», – подумал комиссар. Вслух же сказал:

– Не стоит повторять уже однажды оговоренное. Давайте перейдем к конкретике. Лучше меня об этом доложит вам адмирал Дюмениль.

Адмирал пододвинул к Врангелю оперативную карту.

– Где-то через пару часов войдете в устье Босфора. Пройдете по нему через Константинополь и частично поставите флот на временный отстой вот здесь, в заливе Мод, частично вот здесь, у Принцевых островов, – уверенно водил пальцем по карте Дюмениль. – Это не надолго, пока соберется вся эскадра.

– Ну, а дальше? – поинтересовался Врангель. – Как французская сторона представляет наше дальнейшее будущее?

– Дальше, ваше превосходительство, начнется работа, – сказал адмирал. – Хочу заметить, нелегкая и кропотливая. В городе мы можем оставить только штатских. В ранге беженцев. Раненых и больных обследуем и отправим по госпиталям. Это займет у нас какое-то время. Затем займемся армией. По предварительным прикидкам, армия будет размещена на полуострове Галлиполи, в районе Чаталджи, и на Эгейском море, на острове Лемнос. Военный флот вместе со всем личным составом, в том числе и Кадетский морской корпус, правительство Франции предлагает временно разместить в Бизерте. Там глубокая и удобная бухта.

Ни спорить, ни возражать Врангель пока не мог. Он сейчас впервые услышал эти географические названия, кроме разве что полуострова Галлиполи, который совсем недавно, в пятнадцатом году, был ареной кровопролитных боев за проливы Босфор и Дарданеллы.

– Тот самый Галлиполи? – спросил Врангель.

– Да, тот самый, ваше превосходительство.

Сумасшедшая история! Газеты едва ли не всего мира на протяжении всего 1915 года регулярно отслеживали события, происходившие на этом малоизвестном турецком полуострове. Там шла жестокая война за проливы Босфор и Дарданеллы, в которой нивесть почему, среди тех, кто был заинтересован (Англия и Франция), сражались и гибли австралийцы и новозеландцы. Где Австралия, а где этот крохотный полуостров, на котором нашли свою смерть тысячи чужеземных солдат! Каким ветром занесло их сюда? Что потеряли они здесь, вдали от своей расположенной за морями-океанами родины?

Впрочем, неисповедимы пути Господни! Вероятно, так и австралийцы сегодня, глядя на карту мира, с недоумением размышляют, почему часть русских покинула свою обширную и богатую территорию и отправилась за счастьем в чужеземные края.

Объяснить это можно, понять нельзя.

– А что, этот полуостров? Я имею в виду Галлиполи. Он, верно, необитаем? – спросил Врангель у своих собеседников.

– Вовсе нет. Он довольно густо заселен. Там есть город, в котором для наблюдения за порядком размещен сенега́льский батальон французских колониальных войск. Есть несколько больших и малых селений.

Но ведь в дни боев, судя по газетным сообщениям, там было все перепахано артиллерией.

– Это правда. Но сейчас большинство зданий восстановлено. Часть вашей армии там вполне сможет разместиться. Без особого комфорта поначалу, но все же... Потом обживетесь.

– У нас для этого нет времени. Как у нас говорят: «В гостях хорошо, а дома лучше».

– Будем надеяться, так и будет, – поддержал Врангеля адмирал.

По железной винтовой лесенке прозвучали торопливые шаги и в двери возник один из стюардов, сказал несколько слов.

– Ну вот! Впереди уже видны турецкие берега, – перевел месье Сорбье и обратился к Врангелю: – Не желаете ли взглянуть, ваше превосходительство?

– Увольте! Я на них насмотрелся весной этого года. – Врангель поднялся. – Благодарю за приятную беседу. Пойду к себе.

– До встречи в Константинополе, – попрощались с Врангелем Дюмениль и де Мартель.

Через короткое время «Вальдек Руссо» отшвартовался от «Генерала Корнилова» и, издав протяжный прощальный гудок, умчался туда, где вдали в тумане проступала зубчатая полоса турецкого берега.

Слащев вернулся с палубы в свою каюту.

– Ну, что там? – спросила Нина.

– Там – Турция! – он подошел к зеркалу, посмотрел на себя, провел рукой по трехдневной щетине и сказал сам себе: – А, плевать!

– На кого?

– На себя, – сказал он. – Слушай, а может, отпустить бороду? Помнишь, зимой прошлого года, в Екатеринославе? Тебе, кажется, тогда понравилось?

– Нет-нет! – торопливо отозвалась Нина. – Ну, сам подумай: будешь идти с дочкой, а все будут думать, что ты ее дед, – и затем добавила: – Побудь еще хоть лет десять молодым.

– Мне сегодня просто не хочется бриться, – объяснил Слащев.

– Ну, и не брейся.

– Нельзя. В Константинополе будет официоз: придет встречать эскадру наш российский посол, наверное, будет кто-то от турецкого султана, – Слащев обернулся, позвал: – Пантелей! Где ты, старый разбойник? Знаю же, под дверью стоишь!

Пантелей, и верно, открыл дверь, просунул голову в каюту:

– Чего кричите, ваше превосходительство! Дитю разбудите!

– Но-но! Больно разговорчивый стал! Где мой парадный мундир?

– Той, шо из музею?

- Нормальный мундир! Генеральский. Небось не почистил?
- А на шо його чистить, як вы в ем никуды не ходили. Принести?
- Дурацкий вопрос.

Пантелей исчез и вскоре появился, бережно неся на вешалке, как дорогую хрустальную вазу, почищенный и отутюженный генеральский мундир.

Проснулась от домашней суеты и тихо пискнула дочка. Нина бросилась к ней.

- Може, Авдотью позвать? – спросил Пантелей.
- Сама придет, – сказала Нина. – Она знает.
- Шести сутки дитя на свити живэ, а як звать – не придумалы. Кошенятку чи там собачатку, и тем сразу имя дають, – покидая каюту, ворчливо сказал Пантелей. И, уже прикрывая дверь, добавил: – Там, в городи, этот... ихний поп, он ей турецьке имя присвое. И буде она якась Халима чи Далила. Срамота!

Когда дверь за Пантелеем закрылась, Слащев сказал:

- А и правда, что ж это мы?
- Я думала об этом, – Нина подняла глаза на Слащева. – Хотела такое, чтоб тебе понравилось. Может, Софья? Или Стефания? Так мою маму звали.
- Ты русские имена вспоминай. Наша дочь – россиянка.
- Ну, Елизавета или Екатерина?
- Ага. Еще Анна. Тебя все больше царские имена нравятся. Или уж какие-то совсем нерусские: Стефания, – начал сердиться Слащев. – Ты мне хоть одно простое русское имя назови!

– Авдотья! – с вызовом сказала Нина.

– Авдотья? А что, ничего имя. Вполне. А уменьшительное? Ну, как ее сейчас, такую манипуську, будем звать?

– Авдуня, Авдушечка, Дуня.

– Дуня – это Евдокия. Нет, не то! – Слащев пару раз прошелся по каюте, подошел к колыбельке, отогнул край одеяльца, улыбнулся ей, спросил: – Не спишь... Маруська?

Девочка тихо пискнула.

– Отзывается, – радостно сказал Слащев. – Ты слышала, Нина? На Маруську отзывалась. Может, и вправду?..

– Ну, Яша! Неужели ничего лучшего не можешь придумать? Маруся! – возмутилась Нина. – У нас вечно пьяная дворничиха была Маруся.

– А у меня бабка была Маруся. Хорошая. Я ее очень любил. Она мне свой лорнет подарила. Я из него потом подзорную трубу сделал, – и потеплевшим голосом произнес: – Баба Маруся. Мария Иосифовна. А можно еще Марья, Маша.

– Я хотела красивое имя.

– Дурная ты, Нинка! Человек красит имя, а не наоборот.

– Да! Но Маруся? – не соглашалась Нина. – Такого и в святцах, наверное, нет.

– Обязательно, есть! Как же! – упрямо сказал Слащев: – Ма-руся! Ты только вслушайся! Ма-руся! Ма-ма-руси! Придумай имя лучше! То-то же! – и Слащев снова заглянул в колыбельку: – Маруська! Скажи своей дурной мамке, что тебе нравится!.. Слышишь? Молчит! Значит, согласна!

Слащев стал надевать свой парадный генеральский мундир.

– Ты куда? – спросила Нина.

– К капитану. У него там, в вахтенном журнале, записано, что такого-то числа на борту «Твери» во время перехода из Севастополя в Константинополь у генерала Слащева и ординарца, юнкера Нечволодовой, родился ребенок женского полу. Пусть имя проставит – Маруся.

– Мария! – настойчиво поправила его Нина. – Как в святцах.

– Пусть будет Мария, – неохотно согласился Слащев.

– Ну, и зачем это? Кому это интересно?

– Дремучая ты, Нинка. Это же первый Маруськин документ. Их еще много у нее будет.

А этот – первый: «метрическая запись». Самый главный документ.

И Слащев вышел. Вскоре в каюту вошла Авдотья:

– Ну, як тут моя кнопочка? – спросила она.

– Уже не кнопочка. Марусей величают.

– Маруся? – с каким-то внутренним удовлетворением переспросила Авдотья. – А я думала, вы ей якоесь панскэ придумаете. Маруся! Красиве имя, – и она стала расстегивать жакет.

Глава пятая

Адмирал Дюмениль оказался прав: около полудня «Генерал Корнилов» вошел в Босфор. В самом устье к нему подскочил небольшой юркий катер и на борт, тяжело отдуваясь, поднялся грузный турок – лоцман. Он учтиво поздоровался с капитаном и при этом произнес несколько слов:

– Руссики. Карашо. Добри ден.

Капитан с некоторым сомнением оглядел лоцмана, скорее, сам себе, чем ему сказал:

– Ну, и как мы с тобой, друг сердечный, поведем крейсер?

– Друг, карашо, – удовлетворенно кивнул лоцман и неожиданно спросил на чистом английском: – На каком языке капитан предпочитает общаться? На английском, французском?

– Пожалуй, на английском, – принял предложение лоцмана капитан.

– В таком случае тихо вперед! – приказал лоцман. – Следуйте строго за катером и больше придерживайтесь правого берега.

Босфор был достаточно узкий для крейсера, но капитан вспомнил о том, что и через него, и через Дарданеллы совсем недавно без особых трудностей проходили суда и более крупные, такие, к примеру, как российские линкоры «Святой Пантелеймон» и «Императрица Екатерина».

Они плыли мимо отдельно стоящих на обоих берегах скромных беленьких домиков. Большей частью они были сложены из местного известняка. Между ними можно было заметить и совсем бедные хибарки, сколоченные из досок и фанеры. По улицам неторопливо ходили люди, двигались пароконные телеги, реже их надрывно тянули маленькие ослики. На берегу, у самого обреза воды, игрались дети.

Чужая жизнь, до краев заполненная осенними хлопотами, была так понятна недавним крестьянам, за годы войны истосковавшимся по такой неспешной мирной работе.

– Просо, что ли, убирают?

– Какое просо! Кукурузу на корм. Второй урожай. У нас, гляди, она повыше.

– Обыкновенное дело. Дожей – кот наплакал. Считай, почти что Африка.

– У нас косят в августе, когда стебель сочнее, слаще.

– У их все какось по-другому. Ты на небо глядел? У их даже луна, и та рогами кверху.

Такую у нас отродясь не видал. Все чужое, даже луна.

Чем дальше плыл «Генерал Корнилов» по Босфору, тем больше, скученнее становились селения. Потом они как-то незаметно и вовсе слились в один сплошной город с красивыми домами, белоснежными дворцами с византийскими куполами-полушариями. И повсюду, насколько хватал глаз, тонкими свечками подпирали небо минареты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.